

Виктор Корин

ДИКИЙ ГРАФ

2

Акионер

Виктор Коллингвуд

Дикий граф. Акционер

<https://litres.ru/74638894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Федор плывет себе безмятежно на Камчатку, попутно дебоширя в портовых кабаках. Впереди - дикари, авантюристы, несметные богатства. А где-то на горизонте маячит эскадра командора Фрейзера.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	68
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виктор Коллингвуд

Дикий граф. Акционер

Название: Дикий граф. Акционер

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/583601>

Глава 1

Ну нет, дружок. У меня слишком дохрена бабок с собой и слишком скверное настроение, чтобы выслушивать это дерьмо.

— Ваши жизни мне на хрен не нужны! — во весь голос рявкнул я в ответ, откидывая край брезента. — А вот кошельки давайте!

Вскинув тяжелый нарезной штуцер, почти не целясь, нажал на спуск. Оглушительный грохот разорвал вечернюю тишину. Пуля ударила здоровяка прямо в грудь, мгновенно выбив его из седла.

— Какого дьявола?! — завопил второй грабитель, пытаюсь взвести курок.

Отбросив дымящийся штуцер, мгновенно подхватил короткий мушкетон с раструбом. Широкий сноп свинцовой картечи смел второго бандита в придорожную канаву. Воздух наполнился сизым пороховым дымом, запахом гари и диким ржанием обезумевших коней.

Не давая врагам опомниться, выхватил из-за пояса пару заряженных «Лепажей». Однако стрелять больше не пришлось. Оставшиеся двое грабителей, смекнувших, что наравались на отморозка, в панике развернули коней. Дико прищипывая скакунов, они мгновенно растворились в ночном тумане.

Откинув полог, прыгнул на сырую землю. Меня ощутимо потряхивало: еще не отошла горячка внезапного боя. Возница сидел ни жив ни мертв, вцепившись в вожжи.

— Успокойте лошадей, любезный, — бросил я ему, подходя к убитым.

Главарь, тот самый Головастый Джон, получивший пулю из штуцера, оказался мертв. Наповал. Второй грабитель, посеченный картечью, хрипел в канаве, пуская кровавые пузыри, и через пару минут тоже затих. Быстро и деловито обшарив карманы покойников, я разжился парой весьма недурных кремневых пистолетов и горстью серебряных монет. Ловить сбежавших лошадей было откровенно некогда.

— Сэр... милорд... — заикаясь, пролепетал с козел возница, с ужасом глядя на трупы. — Чрезвычайное происшествие... Нам... нам надо немедленно вызвать коронера!

— Мне некогда ждать полицию, — жестко отрезал я, перезаряжая «Лепажу» и пряча их за пояс. — Мне надо успеть на корабль. Да и тебе это ни к чему. Подумай сам: я-то уеду отсюда, и всё, а ты останешься отвечать на вопросы судебных. Оно тебе надо?

Смотрю, он в непонятках: не знает, на что решиться. Чтобы лучше думалось, я сунул в трясущуюся руку англичанина две золотые гиней.

— Вот тебе деньги. Поправить здоровье и нервы. И забудем об этом. Слезай давай, помоги утащить тела в кусты, пока кто-нибудь еще не приехал. Нам нужно срочно быть в

Портсмуте.

Наконец, мужик вышел из ступора и принялся мне помогать, бормоча под нос проклятие в адрес нападавших.

Дальнейший путь прошел без приключений. Утром наш благополучно добравшийся до побережья фургон тяжело вкатился на мощный двор портсмутской конторы Ричарда Фокса. Коммерсант, завидев долгожданного клиента, выскочил на крыльцо с распростертыми объятиями и широчайшей улыбкой.

— Добро пожаловать, граф! — радостно потер руки британец. — Ваш заказ выполнен безукоризненно. Извольте взглянуть на склад!

Пройдя под навес, придирчиво осмотрел подготовленный товар. Ровными рядами лежали десятки тяжелых тридцати- и двадцатипудовых якорей. Вдоль стены высились горы бочонков с коваными и медными гвоздями, аккуратно покоились механизмы для лесопилки, а главное — тускло блестели свежей смазкой дефицитные станки для плетения канатов и обточки корабельных блоков.

— Отличная работа, мистер Фокс, — одобрительно кивнул, похлопав по холодной стали самого тяжелого якоря. — Но давайте перейдем к цифрам.

Развернув конторскую книгу, купец начал зачитывать смету. Однако, прекрасно зная реальные лондонские расценки, спустать ему наценку не собирался.

— Тридцать пудов за двадцать пять фунтов? Бросьте, Ричард. На Корнхилл красная цена им двадцать три. А двадцатипудовые пойдут по восемнадцать, и ни пенсом больше.

Вздыхнув, коммерсант был вынужден уступить. Подбив итоговую смету с учетом новых вводных, Фокс с легким сожалением озвучил финальную цифру — ровно две тысячи четыреста пятьдесят фунтов стерлингов.

Когда пришло время расчетов, вместо того чтобы отсчитывать хрустящие банкноты и звонкие монеты из саквояжа, сделал рожу кирпичом и извлек из кармана королевский вексель.

— Предлагаю вам сделку века, мистер Фокс, — произнес с ледяным спокойствием, наслаждаясь вытянувшимся лицом англичанина. — Эта бумага подписана самим Принцем Уэльским на колоссальную сумму в восемнадцать тысяч фунтов. Готов уступить вам этот венценосный долг с дисконтом в пятьдесят процентов. Ровно за девять тысяч фунтов. Таким образом, вы отдаете мне товар и доплачиваете разницу в шесть тысяч пятьсот пятьдесят фунтов. Идет?

Услышав этот расклад, англичанин нервно сглотнул, бросив испуганный взгляд на гербовую печать.

— Помилуйте, граф! — хрипло возразил он, промокая лоб платком. — Это же астрономическая сумма! Я всего лишь скромный провинциальный коммерсант, и мне крайне затруднительно раздобыть шесть с половиной тысяч фунтов свободного капитала. Тем более, ходят слухи, что Его Высо-

чество... э-э-э... не всегда торопится оплачивать карточные долги.

— Вы мыслите категориями мелкого лавочника, Ричард, а должны мыслить как лорд, — снисходительно пояснил, опираясь руками на его стол. — Этот вексель — ваш персональный входной билет в высшее общество. Это связи при дворе, королевские патенты и прямые подряды для Королевского флота. За такую бумагу дельцы в Сити просто удавятся.

— Но у меня действительно нет таких средств в сейфе...

— Нет своих денег? Возьмите займы! У вас же есть безупречный кредит в банках? Ну вот. Наконец, привлечите партнеров! Создайте закрытый синдикат из лучших портсмутских купцов. А чтобы вам было проще, готов принять часть «сдачи» не тяжелым золотом, а высоколиквидными бумагами: облигациями Ост-Индской компании и заемными правительственными бонами.

В глазах Фокса мгновенно вспыхнул яркий огонь алчности. Загоревшись грандиозной перспективой стать официальным кредитором британской Короны, он схватил цилиндр и ураганом вылетел из конторы собирать пул инвесторов.

Пока новоявленный лоббист суетливо натягивал пальто, он крикнул в глубь дома, торопясь провернуть главную сделку своей жизни:

— Элизабет, душа моя! Развлеки нашего дорогого гостя, пока я отлучусь по крайне важному делу!

Проводив Фокса взглядом, любезно принял приглашение горничной подождать в уютной хозяйской гостиной.

Миссис Фокс — Элизабет, как она сразу представилась — оказалась весьма недурной, сочной дамой лет тридцати с небольшим. Тёмные волосы, живые чёрные глаза и фигура, которую даже строгий корсет не мог полностью скрыть. Она подала мне горячий чай и превосходный французский бренди, после чего присела напротив на изящную кушетку, с нескрываемым любопытством разглядывая меня.

— Мой муж вечно занят своими якорями и канатами, — вздохнула она, изящно поправляя выбившуюся прядь. — В Портсмуте бывает так невыносимо скучно... А о вас, граф, уже ходят самые невероятные слухи. Говорят, вы только что вернулись из Лондона... и привезли от самого принца Уэльского какой-то важный вексель?

Я улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок и пригубил бренди.

— Слухи, как всегда, преувеличивают, Элизабет. Но в этот раз они почти правы. Я действительно имел честь оказать Его Высочеству... небольшую услугу.

Её глаза вспыхнули неподдельным интересом. Она чуть подалась вперёд, и корсет соблазнительно натянулся.

— Услугу? — переспросила она почти шёпотом. — Какую же? Вы ведь только что приехали из Плимута... Неужели вы спасли принца от французских шпионов? Или... — она лукаво прищурилась, — помогли ему выиграть крупную

партию в карты?

Усмехнувшись, я оставил бокал.

— Скажем так... я помог ему решить один очень деликатный финансовый вопрос. Взамен Его Высочество был настолько любезен, что подписал мне охранную грамоту для всей нашей экспедиции и... небольшую награду. Теперь любой британский корабль в океане обязан оказывать нам содействие. Без досмотров и задержек.

Миссис Фокс восторженно ахнула и прижала ладонь к груди.

— Боже мой... Вы — настоящий герой! Принц Уэльский сам подписал вам грамоту? Это же... это же невероятно! Муж говорил, что вы просто коммерсант, а вы, оказывается, человек, приближённый к самому двору!

Она встала и подошла ближе, якобы чтобы подлить мне бренди. Но её движения были уже совсем не хозяйскими.

— Расскажите подробнее, граф... — прошептала она, наклоняясь так, что я почувствовал тепло её кожи. — Как это было? Принц действительно такой... капризный, как о нём говорят? И вы... вы действительно сумели ему угодить?

Мои пальцы легко коснулись её запястья.

— Скажем так, Элизабет, я кому угодно могу... угодить. А принц — ну, он просто человек. С очень большими долгами и очень большим самолюбием. Я помог ему сохранить лицо. Взамен он помог мне. Всё очень просто.

Она не отняла руку, напротив — чуть повернула ладонь,

чтобы мои пальцы легли на её кожу плотнее.

— Вы такой... опасный, — выдохнула она, глядя мне в глаза. — У вас такие связи в высшем обществе — уму невообразимо! Приезжаете сюда с королевским векселем в кармане, с репутацией человека, который обыграл пол-Лондона... А мой муж сейчас бегаёт по всему Портсмуту и собирает деньги, чтобы заплатить вам. И всё это — из-за вас.

Я улыбнулся и медленно провёл пальцем по её запястью вверх, к локтю.

— Не из-за меня, Элизабет. Из-за того, что я умею видеть возможности там, где другие видят только риск. А вы... вы тоже умеете видеть возможности?

Она прерывисто вздохнула, бросила быстрый взгляд на закрытую дверь и вдруг шагнула ещё ближе, почти прижавшись ко мне.

— Муж уже многие годы мною пренебрегает! — прошептала она, и её голос дрогнул. — Постоянно разъезжает по своим гадким торговым делам. Он будет отсутствовать минимум два часа... А я... я уже очень давно не видела в этом скучном городе никого, кто мог бы рассказать мне настоящую историю о принце, о Лондоне... и о том, как выглядит настоящий русский граф без сюртука.

Я наклонился и тихо, почти в губы, произнёс:

— Тогда, дорогая Элизабет, позвольте мне показать вам... как мы, русские, умеем благодарить за гостеприимство.

Не ответив, она просто потянулась и поцеловала меня —

горячо, жадно, с той самой смесью провинциальной скуки и внезапной страсти, которую я уже успел хорошо изучить.

Дальше слова стали уже совсем не нужны.

Спустя три часа, едва успев привести себя в порядок, мы услышали грохот входной двери. Фокс буквально ворвался в дом, тяжело дыша и утирая со лба градом катящийся пот.

— Граф! — выдохнул коммерсант, сияя как начищенный медный таз. — Я сделал это! Синдикат собран!

Рухнув в кресло напротив, англичанин принялся лихорадочно выкладывать на стол пачки ценных бумаг.

— Поверите ли, я поднял на уши весь Портсмут! — с нескрываемой гордостью заявил он, шлепнув ладонью по документам. — Заложил свою собственную контору в банк «Барклайс» и вытряс из местных ростовщиков абсолютно все облигации Ост-Индской компании, какие только были в городе!

Оценив коммерческий подвиг партнера, уважительно кивнул. Ричард передал мне накладные на оплаченный товар и пухлую пачку ценных бумаг на оговоренные шесть с лишним тысяч фунтов стерлингов.

— Простите великодушно, что заставил вас ждать! — извинялся Фокс, провожая меня до дверей. — Элизабет, надеюсь, ты не заставила нашего гостя скучать?

— О. не беспокойтесь, мы очень мило... поболтали! — чопорно ответил я, берясь за ручку тяжелого саквояжа. Мадам Фокс едва заметно улыбнулась, стрельнув в мою сторону

взглядом.

Выйдя из конторы Фокса, я во главе вереницы тяжело груженных фургонов сразу направился к причалу. Подойдя к нашей стоянке, удовлетворенно отметил, что шлюп уже был полностью отконопачен. Теперь матросы, не зная о моей лондонской сделке, деловито собирались грузить старое полосовое железо обратно в трюм.

Взлетев по деревянному трапу на борт, властно и громко скомандовал:

— Отставить погрузку! Распоряжаюсь отдать всё это железо мистеру Фоксу!

Ратманов, увидев подобное наглое самоуправство, мгновенно вспылil.

— Да вы в своем уме, граф?! — заорал старший лейтенант. — Это железо служило балластом! Теперь у корабля начнутся критические проблемы с устойчивостью!

— Успокойтесь, лейтенант. Балласт будет, но куда более полезный.

— Не смей распоряжаться грузом без капитана!

Вдоволь накричавшись, Ратманов со процедил:

— Вас, кстати, немедленно хочет видеть капитан Крузенштерн. Сдается мне, ваше плавание на этом окончено.

Спустившись вниз, без стука распахнул дверь капитанской каюты. Иван Федорович встретил меня стоя. Вид у командира был на редкость суровый и торжествующий.

— Присаживайтесь, сударь, — процедил он сквозь зубы.

— В Плимуте нас, наконец, догнала министерская почта. И среди прочего — весьма занимательное письмо из Академии художеств.

— И что же там пишут наши уважаемые академики? — поинтересовался я, небрежно закидывая ногу на ногу и удобно устраиваясь в скрипучем кресле.

— Пишут, что депеша должна была перехватить нас еще в Дании. Но из-за вашей возни с пересолкой солонины мы снялись с якоря раньше времени. Теперь же правда вскрылась окончательно! — капитан повысил голос, сверля меня гневным взглядом. — Вы, сударь — самозванец! Настоящий назначенец, художник и путешественник — это граф Федор Петрович Толстой! А вы, милостивый государь — Федор Иванович Толстой, гвардии поручик!

В другое время это разоблачение произвело бы на меня некоторое впечатление. А сейчас я лишь снисходительно усмехнулся.

— Допустим, Иван Федорович. Отчество вы угадали, да. Похвальное упорство в достижении цели! Но раз уж у нас сегодня вечер удивительных откровений, позвольте сообщить, что мне тоже кое-что известно.

Мой издевательски-саркастичный тон заставил капитана опешить.

— Мне, например, досконально известен тот факт, что оба шлюпа — и «Надежда», и «Нева» — были куплены здесь, в Англии, с весьма солидным «интересом». С очень боль-

шим и дурно пахнущим финансовым интересом.

— Да как вы смеете?! — возмущенно вскинулся Крузенштерн, густо покраснев. — Вы обвиняете русских морских офицеров...

Не трата времени на пустые препирательства и защиту чести мундира, молча достал из внутреннего кармана сюртука официальную справку от Ллойда и развернул ее на столе.

— Извольте ознакомиться, капитан. Заодно поясню вам, как человек опытный, все тонкости с мутным статусом этого французского корыта, на котором мы плывем. Знаете ли вы, что такое «French Prize» и класс «Е»?

Внимательно вчитавшись в убористые строчки, заверенные гербовой печатью, Крузенштерн густо покраснел, затем побледнел. А я в это время смотрел в его лицо и окончательно убедился в своем предположении: сам Иван Федорович этих денег отродясь не брал.

Справившись с первым, самым тяжелым шоком, Крузенштерн грузно опустился обратно в свое кресло и нервно вытер испарину со лба.

— Что вы намерены делать с этой... бумагой, граф? — хмуро поинтересовался он, не сводя потемневших глаз с гербовой печати. — Не буду скрывать, ситуация крайне скверная. Я бы очень хотел получить этот документ на руки прямо сейчас. Назовите ваши условия.

Аккуратно свернув драгоценную выписку в трубочку, категорически покачал головой и надежно спрятал компромат

во внутренний карман сюртука.

— Эта бумага не продается, Иван Федорович.

Капитан нахмурился. Да, это был честный остзейский немец. Но сейчас, из ложной офицерской солидарности, отчаянно пытался прикрыть своего дружка Лисянского, который реально намутил с бюджетом экспедиции.

— Сударь, это неприемлемо! Ни я, ни капитан-лейтенант Лисянский, ни прочие офицеры экспедиции не могут находиться в этом ложном и ненадежном положении. Я уже понял, что вы не хотите дать делу официальных ход. Иначе вы бы не показали мне этот документ. Извольте озвучить вашу цену, и покончим с этим! — запальчиво произнес Иван Федорович, вновь краснея от гнева.

Идея стать объектом шантажа какого-то мутного хлыща ему явно не понравилась.

Но придется.

— Иван Федорович, успокойтесь! — примирительно произнес я. — Прежде всего, скажите, что вам даст эта бумага? Ну отдам я ее вам. Так ведь всегда можно взять новую! Так что это Лисянского не спасет!

Капитан хмуро слушал меня, молча признавая мою правоту.

— Давайте определимся: я вам не враг. Предлагаю партнерство! Мои условия предельно просты: я ни единым словом не обмолвлюсь об этой афере с французским неликвидом ни высокому начальству в Петербурге, ни нашему обще-

му руководителю Резанову. Но взамен твердо надеюсь на ваше полное, безоговорочное понимание моих коммерческих и иных нужд на этом корабле.

Капитан досадливо скрипнул зубами. Было прекрасно видно, как сильно его злит тот факт, что над ним и Лисянским теперь повис дамоклов меч трибунала, но поделаться он ничего не мог.

— Каковы же ваши интересы на борту военного шлюпа? — глухо спросил он, до хруста сцепив пальцы в замок.

— Перейдем к сути дела, — удовлетворенно кивнул, поднимаясь с кресла. — Старое полосовое железо вы прямо сейчас отдаете англичанину Фоксу. А в трюмы грузите мой товар: новые тяжелые якоря, гвозди и станки.

— Якоря вместо балласта?! — Иван Федорович пришел в ужас. — Вы хоть понимаете разницу? Грузить громоздкие якоря в трюм — это совсем не то же самое, что укладывать полосовое железо! Мы же к чертям нарушим центровку и остойчивость!

— Уверен, такой первоклассный мореплаватель, как вы, легко решит эту мелкую задачку. К тому же, разве «Надежда» не перетяжелена? Избавимся от лишнего веса, а для правильного балласта просто добавите вниз свинца и пушечных ядер.

Потерев виски, Крузенштерн тяжело вздохнул и задумчиво уставился на деревянную переборку каюты.

— Черт бы вас побрал, граф... — глухо процедил капи-

тан, медленно сдаваясь. — Но, возможно, в этом безумном самоуправстве есть толика здравого смысла.

— Конечно, Иван Федорович. Сами же вечно жалуетесь, что корабль перегружен!

— «Надежда» действительно изрядно перетяжелена, — неохотно признал командир, профессионально прикидывая осадку судна. — Сбросить это полосовое железо... да, это даст нам с полфута ватерлинии. Но якоря! С их укладкой на дне придется изрядно повозиться, чтобы не нарушить центровку.

— Матросы и промышленные люди справятся. А для правильного, низкого балласта потом просто добавим в трюм свинца и лишних пушечных ядер, — уверенно парировал, окончательно закрепляя свой успех.

Совершенно бледный и растерянный от такого наглого корпоративного шантажа, Крузенштерн медленно поднялся с места.

— Хорошо. Ваша взяла. Пойдемте наверх, сударь. Сейчас отдам соответствующие распоряжения.

Выйдя на залитую солнцем палубу, капитан хмуро подошел к себе старшего офицера.

— Макар Иванович! — окликнул он Ратманова, который уже победно ухмылялся, предвкушая, как наглеца сейчас закуют в кандалы.

— Слушаю, господин капитан! Прикажете звать караул?

— Отставить погрузку балласта, — деревянным голосом

скомандовал Крузенштерн на глазах у всей изумленной команды. — Теперь надлежит делать всё точно так, как говорит граф Толстой. Железо немедленно отдать англичанам, а в трюм принимать его новый груз.

Но тут на брусчатку пирса с грохотом вылетела дорожная карета. Дверца распахнулась, и наружу пулей выскочил Николай Петрович Резанов. За ним вылезли его клеветы — Фридрици и Фоссе.

— Граф! — истошно завопил камергер, подлетая к нам и брызгая слюной. — Что здесь, черт возьми, происходит?! По какому праву вы распоряжаетесь компанейским имуществом?!

— И вам доброго дня, Николай Петрович, — миролюбиво улыбнулся, приподнимая шляпу. — Идет плановая замена балласта на более полезный груз.

— Это бунт! — багровея, продолжал орать Резанов, размахивая тростью. — Это тотальное неуважение к руководству экспедиции! Я вас под арест отдам!

Пока он орал, я, примирительно подняв руки, попытался спокойно перевести разговор в конструктивное русло. Приказал вахтенному немедленно позвать комиссионера Шемелина и старшего из промышленных людей. Дождался, пока сибиряки сбегут по сходням на берег.

— Скажи-ка, Воробьев, — обратился к подошедшему бородачу, указывая на горы британского металла. — Нужны ли нам в колониях английские якоря, кованые гвозди да станки

для канатов? Или лучше ржавые полосы везти?

— Дык вестимо нужны, ваше сиятельство! — горячо закивал сибиряк, с восхищением разглядывая инструмент. — У нас же в Охотске корабли на дно идут из-за гнилых снастей да слабости якорей! А с этим товаром можно хоть десять новых судов собрать, цены ему там нет!

— Вот видите, Николай Петрович, — развел я руками, снисходительно глядя на посла. — Сплошная польза для нашего общего дела.

Однако Резанова было не удержать. Покраснев как вареный рак, он продолжал истошно вопить об оскорблении на глазах у всей команды.

— Это самоуправство! Как вы могли! Компанейским имуществом распоряжаюсь я. Я, я и никто иной!

Пришлось звать на помощь Крузенштерна.

— Иван Фёдорович, — начал я спокойно, но твёрдо. — Вы видели, что медная обшивка местами уже начала разрушаться?

Крузенштерн кивнул. Лицо его мгновенно помрачнело. Он явно ждал, что я сейчас снова начну тыкать пальцем в Лисянского и кричать про «гнилой неликвид».

Я продолжил, не давая ему опомниться:

— В данном случае причина не в том, что Лисянский купил плохой корабль. Все оттого, что мы до сих пор таскаем в трюме это чёртово полосовое железо. Течи есть. Солёная трюмная вода плещется. Железо и медь соприкасаются. По-

лучается гальваническая пара. Железо становится анодом и ржавеет втрое быстрее. Медь тоже начинает разъедаться в местах контакта.

Крузенштерн нахмурился ещё сильнее, но уже не от злости, а от профессионального интереса.

— Это правда. Медь и железо в морской воде взаимно разрушают друг друга. Поэтому медная обшивка приколачивается только медными гвоздями, — буркнул он. — Чтобы не было этого вредного влияния. Но железо в трюме... да, я об этом не подумал.

— У нас все это и происходит. Медь и железо все равно влияют друг на друга сквозь течи в корпусе и трюмную воду.

Я кивнул и добавил:

— А помните, как матросы в трюме «угорали»? Как гасли факелы и свечи? Это не просто плохая вентиляция, или, как говорит наш доктор, «дурные гуморы». Железо от действия меди ржавеет так активно, что создает угар в трюме. Если не выгрузим это железо — мы останемся без обшивки. А кто-то из людей может насмерть угореть внизу.

Крузенштерн долго молчал, глядя в пол. Потом тяжело выдохнул и провёл ладонью по лицу.

— Чёрт... Вы правы, граф. Я видел, как быстро ржавеет это железо. Необычно быстро. Думал, просто сырость... А это, оказывается, целая химия.

Он поднял глаза и посмотрел на меня уже без прежней враждебности.

— Хорошо. Железо нужно выгружать. И чем быстрее — тем лучше.

Но даже эти аргументы не убеждали Резанова. То, что Крузенштерн меня поддержал, лишь добавило масла в огонь.

— Это преступление! Вы должны были сначала рассказать мне это, а уже потом предоставить МНЕ решать, продавать железо или нет!

Тут я понял, что разумными аргументами делу не поможешь.

— Пойдемте-ка в каюту, сударь, — жестко перебил я его истерику, настойчиво взяв камергера под локоток. — Нам нужно поговорить тет-а-тет, без лишних ушей.

Оказавшись в полумраке помещения и плотно прикрыв за собой дубовую дверь, резко сменил тон. Подойдя вплотную, посмотрел послу прямо в глаза ледяным, немигающим взглядом.

— Послушайте меня очень внимательно, сударь, — произнес я тихо, но так рассудительно и тяжело, что Резанов невольно попятился к переборке. — Если вы считаете, что я вас не уважаю и чем-то обидел, то я всегда к вашим услугам... у барьера. Правда, должен честно предупредить: свои две тысячи фунтов стерлингов в Лондоне я на днях получил исключительно оттого, что выстрелом с двадцати шагов перебил игральную карту ровно в ребро. А фехтую я, смею заметить, немного лучше, чем стреляю.

Сделав многозначительную паузу, жестко припечатал:

— Короче говоря, Николай Петрович. Или мы прямо сейчас идем с вами стреляться, или ты закрываешь рот и слушаешь меня. Хотите стреляться — извольте. А хотите говорить о деле — давайте говорить. Только без этого бабьего визга.

От такого напора и откровенной угрозы Резанов натурально охренел.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнул я, мгновенно возвращаясь к спокойному деловому тону. — Как я уже сказал, закупил первоклассные, дефицитные вещи, которые в Охотске критически нужны для выживания колоний. Часть их я оставляю за собой. А часть — передам Компании. В счет расчетов за ржавое железо. Идет?

Резанов нервно сглотнул.

— Позвольте, граф... Но эти вещи стоят гораздо дороже, чем похищенное вами железо. Казенный балласт оценивался в семьсот фунтов стерлингов, а вы закупились почти на две с половиной тысячи! Откуда у вас... Впрочем, неважно. Как мы будем проводить эту колоссальную разницу по компанейским документам?

— Предлагаю следующую схему, Николай Петрович, — усмехнулся я, небрежно доставая из кармана пухлую пачку британских ценных бумаг и выкладывая их на стол. — Возвращаю компании ровно семьсот фунтов стерлингов за железо. А вся остальная сумма пойдет как моя личная доля в Российско-Американской компании. Я вхожу в бизнес.

Услышав сладкий запах реальных, живых инвестиций, Ре-

занов мгновенно забыл про все нанесенные оскорбления. Прекрасно помня из лондонских слухов, что посол отчаянно нуждается в деньгах, а британские банкиры не дали ему ни шиллинга займа, я решил сделать предложение, от которого тот не сможет отказаться.

— Входите в бизнес? — оживился он, с явным облегчением потирая руки. — Что ж, это в корне меняет дело! Капитал нам сейчас крайне необходим.

Наконец разговор потек в деловом русле. Быстро прикинув баланс, решили, что я получаю официальный пай ровно на две тысячи фунтов стерлингов, что в переводе означало тринадцать тысяч полновесных рублей. Для идеально ровного счета, даже не торгуясь, я тут же отсчитал и сунул в руки ошарашенному послу еще двести пятьдесят фунтов стерлингов наличными.

Однако и теперь Резанов пытался хитрить.

— Позвольте, граф! — возмутился он, потрясая векселями. — Но цены паев на бирже сейчас сильно выше их изначальной стоимости по номиналу! Я должен выписать вам акции исключительно по текущей рыночной цене!

— Я хочу получить пай исключительно по номиналу, Николай Петрович. И вы, как один из официальных директоров компании, имеете на это полное, законное право. Никакого рынка и никаких спекуляций. Мы оба прекрасно видим, что в делах компании царит бардак, что вы даже не знаете, жив ли управляющий Баранов, и что вообще происходит на Сит-

ке. Выписываем по номиналу, или мы прямо сейчас возвращаемся к нашему прерванному разговору о барьере и дуэли. Выбирайте.

Посланник смотрел на меня, краснел, бледнел... и наконец, сдался. Тяжело вздохнув, Резанов обреченно кивнул.

— Хорошо, граф... — проворчал он, сдаваясь. — Пусть будет по номиналу. Вы умеете настаивать на своем.

Вскоре сделка была официально закрыта.

В порту шла погрузка, пассажиры торопливо доставляли на корабль свой скарб с берега, а я стоял на палубе и лениво раздумывал, анализируя произошедшее. Неплохо, с какой стороны не гляди - чертовски неплохо! Поднявшись на борт этого корабля обычным проблемным пассажиром и безбилетником, всего за одну короткую, но крайне насыщенную беседу официально превратился в полноправного акционера и совладельца Российско-Американской компании.

Кажется, наш союз с графом дал отличные всходы.

Глава 2

Вот уже неделя, как мы бороздили океан, упорно продвигаясь на юг. Попутный ветер гнал «Надежду» и «Неву» вперёд, будто присягнул на службу Российской Империи. Бискайский залив остался давно позади. Теперь мы болтались где-то на широте Португалии.

Сначала Крузенштерн хотел сделать следующую остановку на острове Мадейра, знаменитом, как ни странно, приторно-сладким вином под названием мадера. Но затем изменил решение, и теперь мы плывем на Канары. С каждым днем усиливалась жара, и это начинало напрягать. Я уже с нежностью вспоминал свои кондиционеры в Пномпене.

Хоть бы один сюда бы... Но увы.

На борту ко мне теперь относились с уважением. Крузенштерн стал каким-то чопорно-вежливым, посланник Резанов так и вообще лебезил, правда, в свою каюту больше не звал. Да и ладно, хрен бы с ним. Главное, что я уже не «проблемный пассажир», а человек, которого лучше не трогать. Ну, меня и не трогают.

И вот лежу я поутру в гамаке, мягко покачивающемся в такт океанским волнам, и думаю о собственном величии. Кстати, плавать в океане, вопреки опасениям, оказалось довольно приятно. Тут очень длинные, пологие волны, не чета балтийской зыби или короткой злобной волне Северного

моря. Там наш шлюп шатало из стороны в сторону, как пьяного боцмана. Здесь же Надежда плавно кренилась, как будто океан решил стать гигантской безлимитной колыбелью.

Лениво свесив ноги на скрипучие половицы каюты, я потянулся, разминая мышцы. Эх, хорррошо! Молодое тело, что тут скажешь. И вдруг эти приятные мысли прервал мерзкий, тягучий скрежет!

Звук был такой, будто кто-то с особым удовольствием пилил ржавой ножовкой толстое стекло.

Не успел я изумиться, как брезентовый полог каюты приподнялся, и в проёме возник Архипыч с тазиком тёплой воды.

— С добрым утром, батюшка Фёдор Иванович, — степенно произнес он и протянул тазик. — Бриться изволите?

Опять... Будем. Хрен ли не быть? Сев на свой сундук, до краёв набитый всяким добром — британским оружием, одеждой, лондонскими фунтами, — кивнул в сторону пушки. Архипыч знал, что там, внутри её чёрного жерла была припрятана пузатая бутылка ямайского рома.

— Захар Архипыч, будь другом, а намешай-ка мне чего-нибудь бодрящего, — сказал я, подставляя щёки под мыльную пену.

— Ром с лимонным соком? — уточнил старикан, покосившись на связку купленных в Дании лимонов.

— Точно. Угадал, Архипыч! Насквозь меня видишь!

— Опять свою изволите кушать-с? — тяжело вздохнул

от, аккуратно орудуя бритвой. — Фоссе, ирод эдакий, на казённый ром замок повесил. Экономят-с. Говорит, мол, сверх флотской порции не положено.

При упоминании нашего эконома я скривился. Ну, этот Фоссе... Канцелярская крыса, мент хренов. Надо бы поговорить с ним, но аккуратно, без лишнего шума. Правда как — непонятно. На дуэль из-за рома вызвать? Не. Это уж совсем зашкварно, даже для Феди Толстого.

Вдруг за переборкой вновь раздался этот скрежет.

— Архипыч, это что за визги там? — с раздражением спросил я.

Тот лишь пожал плечами.

— Не могу знать, государь мой! По звуку судя, немцы кошку мучают!

Мы почти закончили с бритьем, когда в каюту ввалился Левенштерн. Еромолай Еромолаевич был с ночной вахты, а потому выглядел довольно дерьмово. Помятый и злой, с растрепанными белесыми бакенбардами, теперь он напоминал сенбернара, вылакавшего коньяк из собственного бочонка и теперь мающего похмельем.

— Лейтенант, не знаете, что за чертовщина там происходит? Капитан устроил пыточную в трюме?

Левенштейн кривился, как от зубной боли:

— Ну, можно и так сказать, глубокоуважаемый Фёдор Иванович. Пытают. Нас всех пытаются! Присев на рундук, лейтенант с принялся с раздражением стягивать с себя покры-

тый белёсыми пятнами морской соли мундир.

— Его превосходительство Николай Петрович, видите ли, заскучили. Решили устроить на борту светский салон, как в Петербурге. Оркестр собирают. Из учёных господ, представляете?

— Оркестр? — изумился я, забирая у Архипыча влажное полотенце. — Эти книжные черви теперь ещё и музицируют? Ну, все труба дело. Пропала Надежда!

— Именно так, — с тяжёлым вздохом подтвердил Левенштерн и буквально рухнул в свой гамак. — Посольские с безделья совсем с ума посходили. Тилезиус вдруг вообразил себя по меньшей мере Бетховеном. Пиликает на своей виолончели так, что у всех вокруг зубы сводит. Мы, флотские, и так из-за вахт едва глаза смыкаем, а теперь ещё и эти репетиции слушать!

— Тьфу, срамота! — с чувством поддакнул Архипыч, осуждающе поджав губы. — У нас в деревне, в театре деда вашего, Андрея Фёдоровича, и то лучше музицировали!

Я сочувственно похлопал Левенштерна по плечу. Только вышли в океан, а бедняга уже на пределе. Надо бы его поправить, хе-хе!

— Архипыч, ну так где пойло?

— Не извольте беспокоиться! — засуетился старик. — В момент организуем!

Архипыч, надо сказать, был уже человек обученный. Пока я вылавливал бутылку из пушки, он выжал в тяжёлую оло-

вянную кружку сок лимона прямо, затем плеснул туда щедрую порцию рома, разбавил водой, добавил кусочек сахара. Получилось что-то вроде коктейля «Дайкири». Только без понтов, зонтиков и льда.

— Глотните, лейтенант. Вам это явно нужнее, чем мне.

Сосед по каюте рассыпался в благодарностях, а я взял другую кружку и направился на палубу. Архипыч называл это «делать моцион».

Утро встретило меня слепящим солнечным ветром и скрипом снастей. Нацепив на нос свои лондонские очки с дымчатыми стёклами, я окинул взглядом суесящуюся команду. Затем не торопясь разложил шезлонг, недавно сколоченный Ефимкой из купленных у корабельного плотника обрезков, и принялся наслаждаться заслуженным отдыхом. Сидел, цедил самопальный «Дайкири» и чувствовал себя чертовски хорошо. Двадцать один год, здоровье как у молодого быка, кругосветка за казённый счёт. В порту ждут кабаки и дамочки с разнокалиберными сиськами. В общем, жизнь удалась.

Тут на палубе показался Крузенштерн. Заложив руки за спину, капитан спешил по каким-то своим капитанским делам. При виде меня, развалившегося с кружкой в руках, его лицо моментально пошло пунцовыми пятнами.

— Прекрасная погода, не находите, господин капитан? — приподняв кружку, я с улыбкой отсалютовал ему. — За здоровье государя-императора и успех нашей экспедиции! При-

соединяйтесь, тут всем хватит.

Крузенштерн скривился, но промолчал. Компромат по «лондонскому распилу» заставлял его держать язык за зубами.

По всем признакам меня ожидало отличное утро. Но тут вдруг прямо рядом, над ухом, как рев иерихонской трубы, снова прозвучал этот мерзкий визг!

Оглядываюсь. И что же я вижу? На палубе появился герр Тилезиус! Сутулый немец, с громоздкой виолончелью в руках, уселся неподалёку на складной стульчик и с видом непризнанного гения принялся терзать инструмент.

Твою мать!

Академик фальшивил так, что даже чайки, облепившие реи, разлетелись в стороны. Смычок скрипел, ритм сбивался. Короче, капец. В любом приличном кабаке за такую игру лабуху давно бы сломали пальцы. А здесь кругом приличные люди, и ничего нельзя сделать. Если я ничего не придумаю.

После очередного, особенно мерзкого пассажа я страшным усилием воли преодолел природную лень и решил, что с меня хватит. Надо срочно искать выход, пока «академик» и меня, и всех остальных не довел до белого каления. Немцы — они это умеют, как никто другой.

Внезапно с юта донеслись громкие крики. Я нехотя приподнялся с шезлонга, щурясь на солнце, и уставился в сторону кормы. Что там опять стряслось?

Причиной переполоха оказалась... бабочка. Да-да, самая

обычная белая бабочка-капустница!

Оказалось, что за кормой, на длинном шесте, проветривалась огромная сетка с английской капустой. Её мы прихватили в Плимуте, чтобы, так сказать, не умереть с голоду. Но южное солнце, видимо, припекло зелёные кочаны так, что из них неожиданно выпорхнул этот скромный представитель огородных вредителей. Для нормальных людей — ерунда, махнул рукой и забыл. Но для наших учёных мужей это, видимо, был день величайшего научного открытия.

— *Майе Готт! Колоссаль!* — завопил Тилезиус. — Неве-
роятный экземпляр лепидоптера!

— Позвольте, герр коллега, я есть увидеть её первый! — возмущённо выкрикнул Лангсдорф, как шпагой размахивая сачком.

И вот два солидных академика, ещё минуту назад изображавшие из себя светил науки, с тяжёлым топотом понеслись за бедной бабочкой. Та, ошалев от внимания, нервно металась над палубой, то к шканцам, то к скотным загонам. Ученые с разгону врезались друг в друга. Раздался треск ткани, оба натуралиста кубарем покатались по палубе, сцепившись прямо перед стойлом меланхолично жевавшей свою жвачку коровы.

— Коллега это есть мой трофей! Я есть буду накалывать лепидоптер на булавка! — шипел Лангсдорф, пытаясь схватить Тилезиуса за шкуру.

— *Пфуй!* Ви дилетант! Ви повредить ей крылышки! —

отбивался Тилезиус, применяя какой-то борцовский захват, который, возможно, подглядел у матросов.

Наконец бабочка, видимо, решила, что с неё хватит этого цирка, и благоразумно улетела в сторону океана. Видно, решила, что лучше покормить рыбу, чем трепыхаться на булавке. Кстати, рыба в океане действительно была. За кормой, в пенистом следе, весело резвилась целая стая крупных тунцов, чешуя которых блестела на солнце, словно полированное серебро.

— Хм, — деликатно кашлянули рядом. Я повернул голову и увидел боцмана Карпа Петрова. Его обычно грозная физиономия сейчас выглядела немного смущённой. Он даже шапку снял, что само по себе было событием.

— Ваше сиятельство, — начал он, почёсывая затылок и косясь на буйных ученых. — Тут ребята, что от вахты свободны, рыбку половить хотят. Рыбины-то, гляньте, какие жирные. А у вас, рассказывают, крючки аглицкие имеются. Не одолжите, а? Для обчества.

Само собой, я не отказал мужикам в такой малости. устроить нормальную рыбалку — святое дело. Архипыч сбегал в трюм, достал из моего груза с дюжину рыболовных крючков.

На шканцах моментально образовался стихийный рыболовный кружок. К матросам тут же подтянулись бородатые сибирские промышленники во главе с Воробьевым. В воду полетели толстые пеньковые линьки с наживкой из кусков солонины. Вскоре один из тунцов клюнул.

— Есть! Тяни, тяни, родимого! — истошно заорал Воробьев, вцепившись в натянувшуюся струной леску.

Радость длилась ровно секунду. Линек резко ослаб, и сибиряк с досадой вытащил из воды обрывок снасти.

— Эх, мать твою за ногу! — в сердцах сплюнул за борт промышленник. — Как бритвой срезало! У нее не пасть, а ножницы железные!

Матросы разочарованно загудели. Обычную бечевку местные зубастые хищники перекусывали играючи, даже не поперхнувшись.

Надо сказать, результат вполне закономерный. Трудно поймать что-то на веревку.

Я сразу же вспомнил, как на яхте в Восточно-Китайском море мы как-то ловили барракуд. Единственное, что с ними работает — это стальной поводок. Никакая морская хищница такую жилу не перекусит, это вам не леска, что рвётся от одного взгляда.

А где бы взять стальной поводок?

Мой взгляд скользнул за борт, на резвящихся тунцов..., а потом, как будто сам собой, медленно вернулся к виолончели Тилезиуса, сиротливо стоявшей у его стульчика.

Толстые басовые струны. Прочные. Металлические!

— Хм... — протянул я. — Кажется, у нас есть всё, что нужно для отличной рыбалки! А заодно и для тишины!

Сдвинув тёмные очки на лоб, я поманил пальцем Ефимку, как раз делавшего спасательные круги из пробки.

— Зови Архипыча. Быстро, — скомандовал я, не отрывая взгляда от воды, где продолжали весело плескаться тунцы. — И принеси кусок белой жести. Будем блесну мастерить, как положено.

Ефимка мигом сорвался с места, а через минуту появился Архипыч.

— Слушай сюда, старый, — многозначительно понизив голос, начал я. — Пока я тут устраиваю шумный цирк, ты тихо проберёшься в каюту к этому немцу-виолончелисту и снимешь с его балалайки все басовые струны. Понял?

Архипыч, как и следовало ожидать, тут же схватился за сердце и начал причитать, словно я предложил ему ограбить церковную лавку.

— Батюшка Фёдор Иванович! Да вы что! Грех-то какой!

— Надо, Архипыч, — перебил я его стенания. — Если не сделать, ему всю эту бандуру кто-нибудь нахрен утопит. Невозможно выносить это пиликанье! Так что мы его, считай, спасаем. Понимаешь?

Старый слуга тяжело вздохнул.

— Понимаю, как не понять.

— Слушай сюда. Я сейчас отвлеку этого любителя бабочек так, что он про все на свете забудет. А ты действуй! И без фокусов.

Как отвлечь Тилезиуса, я придумал влет. Уж если он так возбудился на обычную бабочку, то что ожидать, если я дам ему птицу?

С птицей проблем не ожидалось. Небольшая стайка чаек сопровождала наш корабль со дня выхода из Портсмута. Надо только приманить.

Для начала я насадил на длинный шомпол здоровенный кусок солонины — остатки от неудачной рыбалки наших сибиряков. Вывесил её прямо на шкафуте и стал ждать, попросив несшего вахту лейтенанта Головачева не пускать пока сюда матросов и приказав Архипычу зарядить дробовик.

Вскоре с мачты стремительно спикировала огромная светлая тень. Довольно крупный альбатрос грузно шлёпнулся на палубу и тут же потянулся своим мощным клювом к мясу. Ну, попался, голубчик.

Я плавно поднял дробовик, прицелился. Грохнул выстрел. Шканцы окутало густое облако сизого дыма. Альбатрос перекувырнулся через голову и отлетел к фальшборту, нелепо задёргав лапами.

— Вильгельм Готлибович! — гаркнул я так, что, наверное, слышно было даже в трюме. — Сюда, скорее! У меня для вас подарок. Смотрите, какой роскошный экземпляр пропадает! С крылышками, все как вы любите.

Немец клюнул на приманку намного быстрее альбатроса. Оставив инструмент, академик тут же подлетел ко мне, причем глаза его горели таким восторгом, будто он как минимум обнаружил новый континент.

— *Mein Gott! Калькая прелесть!* — забормотал он, буквально падая на колени перед окровавленной тушкой. — Это

есть великолепный образец! Его нужно быстро заспиртовать для Императорский Кунсткамера!

— Да забирайте, — щедро махнул я рукой, усаживаясь обратно в шезлонг. — Но у меня есть одно ма-а-аленькое условие. В будущих научных трудах эта птица должна именоваться исключительно как «Альбатрос Толстого». Как вам идея? Ну, звучит же, а?

От такой наглости немец чуть было не выронил птицу за борт

— Что вы есть такое говорить?! — завопил он, потрясая руками. — Этот птиц это обыкновенный *«Диомедея эксуланис»*! Странствующий альбатрос! Он есть давно описан герр Карл Линнеей! Наука не терпеть подобных...

— Ничего не понимаю по-немецки, Вильгельм Готлибович, — глядя на него с самым невинным видом ответил я, — только, раз это моя птица — правила тоже мои. Нет в названии фамилии «Толстой» — значит, сделки не будет. Ефимка сейчас оциплет эту чайку-переростка и пустит в суп. Эй, Ефим!

Пока мы с Тилезиусом торговались за приоритеты в мировой орнитологии, я краем глаза заметил, как Архипыч тихонько подошел к виолончели и, зайдя за загончик с коровой, быстренько скрутил с нее металлическую струну. Все были увлечены нашим спором с Тилезиусом, и этой диверсии никто его не заметил.

Убедившись, что дело сделано, я великодушно взмахнул

рукой, показывая, что спор окончен, я сдаюсь под напором аргументов моего высокоученого оппонента, бла-бла-бла.

— Ладно, уговорили, красноречивый вы наш. Тащите свою диамедею в спирт. Отдаю из глубочайшего уважения к вашим сединам. Цените! От сердца, можно сказать, отрываю!

Счастливый немец, бережно прижимая птицу к груди, радостно унёсся к себе в каюту. До грандиозного скандала по поводу кастрированной виолончели оставались считанные минуты, но... Но это явно была не моя проблема.

Архипыч, бледный, но довольный, протянул мне трофей — толстенные, прочные басовые струны. Быстро забрав их, я, не теряя времени, принялся за дело. Ефимка за это время успел вырезать из куска белой жести блесну. Толстый пеньковый линёк стал основой снасти, а стальная струна — надёжным поводком. Чтобы немного замаскировать краденую струну, я обвил ее прядью пеньки.

Всё выглядело настолько добротно, что я сам собой гордился.

Торжественно подойдя на шканцы, я с размаху зашвырнул конструкцию в пенистый кильватерный след. Блесна запрыгала по волнам, ярко сверкая на солнце.

Ждать пришлось недолго. Резкий удар едва не вырвал линь из моих рук.

— Есть! — воскликнул я. Руки сами вспомнили, как это делается: никаких катушек, спиннингов — просто банальное

перетягивание каната. Благо, тянуть веревку все же проще, чем режущую пальцы леску.

Рыбина сопротивлялась отчаянно. Она уходила в глубину, пыталась уйти под днище, рвалась изо всех сил, но стальной поводок держал намертво. Через пару минут борьба была закончена. Лангсдорф помог мне со своим сачком, и вскоре на доски палубы обрушилась отливающая золотом и зеленью великолепная дорадо.

Рыба выглядела так, будто её нарисовали для обложки какого-нибудь глянцевого журнала. Лангсдорф тут же выпросил ее себе «на опыты». Я, (как и все присутствующие), конечно, предпочел бы отправить ее на вертел, но наука требует жертв. Да и не последнюю же рыбу я выловил, в конце-концов?

— Не хотите назвать ее «Дорадо Толстого»? — на всякий случай спросил я ученого. Он почему-то отказался.

Странные они.

Второй заброс принёс ещё более внушительный результат. На этот раз это был упитанный тунец бонито, Тянул он так сильно, что я всерьез боялся навсегда утратить снасть. Но опыт взял свое, и вскоре тунец отчаянно забил хвостом, разбрасывая вокруг солёные брызги.

— Ну, ребята, — сказал я, вытирая пот со лба и глядя на улов, — теперь у нас будет пир. Гуляем!

В этот момент на шканцы вылетел Тилезиус. Его руки были по локти в крови, пропахшей спиртом, на лице — смесь

ужаса, гнева и полного непонимания.

Ну понятно. Обнаружил, значит, пропажу.

— Где! Где есть мой бас?! — завопил он срывающимся фальцетом, хватаясь за кастрированный гриф инструмента. — *Доннерветтер!* Ви есть дикари! Варвари! Куда деваль мой струна?! *Швайнэрай!*

Я невозмутимо откинулся в шезлонге, поправил тёмные очки и сделал неторопливый глоток дайкири, наслаждаясь моментом.

— Ефим, — кивнул я лениво матросу, полностью игнорируя истерику Тилезиуса, — тащи эту морскую красоту на камбуз. Пусть кок живо сделает нам стейки на гриле. Аппетит, знаешь ли, на свежем воздухе разыгрался зверский.

Но покой длился недолго. Истошный крик вперёдсмотрящего с фор-марса нахрен разорвал всю идиллию. Примерно как выстрел из пушки на балу.

— Парус на зюйд-вест! Идёт наперерез!

На палубе тут же поднялась суeta. Офицеры бросились к подзорным трубам, пытаясь разглядеть силуэт на горизонте. Я тоже поднял подзорную трубу. разглядывая узкий, стремительный корпус без опознавательных флагов.

— Гляньте на такелаж и обводы, — процедил сквозь зубы Ратманов, не отрываясь от трубы. — Похоже на алжирскую шебеку. Неужто берберы? Марокканские корсары?

Беллинсгаузен побелел, как мел.

— У нас нет морских пехотинцев. Если у них полный эки-

паж, и они возьмут нас на абордаж...

— ...Вырежут половину к чертям, — мрачно закончил Ратманов, машинально хватаясь за эфес кортика. — А тех, кто уцелеют, потащат в кандалах на невольничьи рынки Алжира.

Такая перспектива подействовала на штатских, как удар грома. Началась паника.

— Пираты! Господи Иисусе, нас всех продадут маврам! — взвизгнул Фредерици, хватаясь за голову. — Прячьте казённое золото! В трюм!

Фоссе, как ужаленный, заметался по палубе.

— Нужно немедленно выкинуть белый флаг! Мы дипломатическая миссия! Нас нельзя убивать!

Короче, ребята напомнили мне коммерсантов из девяностых, к которым в уютный офис внезапно нагрянули «маски-шоу». Как будто можно не платить налоги пять лет подряд и типа все проканает. Забавные, ей-богу.

Меланхолично отрезав очередной кусок тунца, я окликнул нервного Резанова, в ужасе рассматривавшего чужой парус в подозрную трубу.

— Николай Петрович, отчего такая суета? Присядьте, выпейте рому, успокойте нервы. Мыслите позитивно: пусть мы окажемся в рабстве, зато у вас будет шанс проявить свои дипломатические таланты перед алжирскими головорезами. Может, даже договор с султаном Марокко подпишете. Ну, чем не перспектива?

Резанов бросил на меня взгляд, полный ужаса и ненависти, и умчался в трюм спасать свои бумаги.

Флотские, наблюдая за нервными «посольскими», только ухмылялись. На самом деле паниковать было рано — до столкновения ещё много времени. Парусный флот — это вам не гонки на тонированных «геликах». Прежде чем пиратский недомерок догонит нашу лохань, пройдёт часов шесть, а то и восемь. За это время может прийти ночная тьма,

Выкупив эту тему, я решил немного развлечься.

— Ставлю пять золотых гиней против вашего серебра, господа офицеры, что эти бармалеи не успеют взять нас на abordаж до заката! — громко объявил я, высыпая на стол горсть блестящих монет. — Кто готов поддержать пари?

Флотские офицеры, конечно, сначала слегка охренели. Ну ещё бы: тут половина посольской свиты уже мысленно торговалась за свою свободу на алжирских рынках, а я тут устраиваю ставки, как на скачках. Но азарт — штука заразительная. Через пару минут монеты уже звенели, коэффициенты обсуждались, и молодёжь охотно втянулась в эту игру, отвлекаясь от мрачных мыслей о грядущей резне.

Но долго наслаждаться этим развлечением мне не пришлось. Крузенштерн, с мрачным лицом и властным видом, молча схватил меня за локоть и увёл за дубовую переборку, подальше от любопытных ушей.

— Послушайте, Фёдор Иванович, — начал он, глядя мне прямо в глаза. — Мы оба прекрасно знаем, кто вы на самом

деле. Но сейчас это очень кстати. У меня, как вы знаете, ни единого штыка морской пехоты. Штатские уже обмарались от страха, матросы все на вахте, а офицеры не очень-то обучены ружейному бою. Возьмите дело обороны палубы в свои руки. Справитесь со стрелками?

Я криво усмехнулся. Коммерсант Поплавский, конечно, был от предложения не в восторге. А вот граф Федя буквально наслаждался моментом. Как же, как же — такая шикарная возможность пострелять по живым людям!

— Не извольте беспокоиться, господин капитан, — с той же усмешкой ответил я. — Ни одна бородатая скотина на борт просто так не шагнёт. Расставляйте своих канониров, а я организую сводный отряд морской пехоты.

Первым делом надо было позаботиться о живой силе. Выйдя на середину палубы, я выстрелил в воздух.

— Так, орлы! — гаркнул я, глядя в лица изумленно повернувшихся ко мне людей. — Капитан поручил мне организовать оборону. Организуем сводный отряд. Все способные держать оружие — живо ко мне! Свободные от вахты матросы, кто не стоит у пушек, — шаг вперёд! Шемелин, где твои промышленные люди? Воробьёв, Монаков, все ваши бородатые сибиряки — тоже сюда! Офицеры — пара-тройка толковых, кто не боится испачкать мундир. Господа ученые тоже приглашаются. Горнер! Хватит гербарии собирать! Всех, кого пристрелишь, можешь затем препарировать. Тебя ждет бездна знаний по анатомии!

Через минуту передо мной уже стояла разношёрстная, но очень бодрая толпа: матросы с голыми по пояс торсами, сибирияки в армяках, два лейтенанта и швейцарец Горнер, бледный, но горевший желанием наконец сделать что-то настоящее.

— Оружие сейчас будет, — объявил я и махнул рукой в сторону своей каюты. — За мной!

Спустившись вниз, я распахнул свой сундук с закупленным в Лондоне арсеналом. Пара дуэльных «Лепажей» отправилась за широкий пояс, новенький штуцер Бейкера лёг в руку как родной. Мушкетон с раструбом я сразу сунул Горнеру:

— Держи, учёный. Один выстрел картечью — и целая толпа бородатых гостей превратится в фарш. Главное — не промахь.

Остальным раздал, что нашлось в корабельном арсенале, в основном — казенные мушкетоны. Не всем достался огнестрел: кому-то пришлось довольствоваться тесаками или абордажными топорами.

Пока ребята осваивали железо, я провёл самую короткую в мире боевую учёбу:

— Знач так. Главное правило: не геройствовать в одиночку. Стреляем залпом, потом в штыки. Кто полезет через борт — сразу в морду. Если кто-то из вас, бородатые, вместо того чтобы стрелять, начнёт креститься — пристрелю лично. Если что, я это люблю и умею. Вопросы?

Вопросов не было. Только азартный блеск в глазах.

Затем мы занялись организацией оборонительного рубежа. Я очень скоро смекнул, что здесь для защиты от абордажа растягивают вдоль борта абордажные сети. Их, конечно, можно прорубить, но на это требуется время.

Так себе защита, как по мне. Эх, будь у нас сейчас колючая проволока или хотя бы спираль Бруно, хрен бы кто через борт перелез. Но за неимением технологий двадцатого века пришлось довольствоваться дедовскими методами. Мы натягивали пеньковые абордажные сети, готовили пики и заряжали картечь.

Часы тянулись мучительно долго, но, в конце концов, когда солнце уже склонялось к горизонту, хищный корпус преследующего нас судна приблизился на дистанцию пушечного выстрела. Мои новоиспечённые «морпехи» вцепились в фальшборт, тяжело дыша и готовясь к худшему.

Глава 3

И тут на мачте чужака взмыл... триколор! Всё стало ясно: наш преследователь оказался французским капером, охотящимся на английские суда.

— Парус на корвете! — раздался усиленный рупором голос с того борта. — Лечь в дрейф и назвать себя!

Резанов, видимо решив, что настал его звёздный час, выхватил у вахтенного тяжёлый медный рупор, приосанился и попытался выдать что-то пафосное на французском. Но, увы, ему не хватило командного голоса. Вместо грозного рыка из рупора вырвалось какое-то жалкое сипение. Французы на шебеке сначала пытались вслушиваться, а потом начали махать руками, будто пытаясь понять, что это за странное бление.

— Отдайте трубу, Николай Петрович, — сказал я, выдержав рупор из его ослабевших рук, и вскочил на пушечный станок.

— Эй, на корвете! — рявкнул я на французском. — Это русский шлюп! Идём по казённой надобности! Англичан на борту нет, добычи тоже. Ловить вам здесь нечего, желаем попутного ветра!

Крузенштерн, не дожидаясь продолжения, приказал поднять Андреевский флаг. Французский капитан, убедившись в нашей нейтральности, галантно приподнял треуголку По-

сколько Россия с Бонапартом пока не воевала, мы для них интереса не представляли. Чужой капитан еще раз поклонился нам на прощанье, и его судно резво покатилося прочь, искать более подходящую добычу.

Через день мы достигли Канарских островов. Все оживилось, ожидая увольнительной на берег и связанных с этим радостей. Швартовкой командовал старший лейтенант Ратманов. Гордый оказанным доверием, он носился туда-сюда по шканцам, а его зычный голос перекрывал даже шум прибоя:

— Марсели долой! Травить канат! Якорь отдай!

Тяжело лязгнув толстыми железными звеньями, якорная цепь с грохотом ухнула в бирюзовую воду. Корабль вздрогнул всем телом и замер на рейде порта Санта-Крус-де-Тенерифе.

Канары обрушились на нас настоящим буйством красок и запахов. Свирепое, по-настоящему африканское солнце моментально начало плавить смолу в палубных пазах, а с берега доносился густой, дурмнящий коктейль ароматов: терпкий запах выброшенных прибоем водорослей причудливо мешался с вонью тухлой рыбы, запахом жареного мяса и каких-то экзотических пряностей. Зеленые склоны высоких гор живописно спускались прямо к белоснежным домикам с красными черепичными крышами.

— Свят, свят, свят... — истоиво крестясь на басурманский берег, забормотал стоящий рядом Архипыч. Утирая катя-

щийся по морщинистому лицу пот, старик тоскливо оглядывал изумрудный берег. — Куда ж нас нелегкая занесла, Федор Иванович? Чистое пекло, прости Господи.

— Отставить панику, Захар Архипыч, — усмехнувшись, пришлось похлопать верного слугу по плечу. — Хорошее место. А жары ты, братец, еще не видывал.

Пока шла швартовка я, вооружившись превосходной лондонской подзорной трубой, принялся увлеченно изучать местную портовую жизнь. Мне уже доводилось бывать на Канарах. В прошлой жизни гуляли мы тут с ребятами: один из тогдашних бизнес-партнеров взял тут тайм-шер. Правда, почти ничего об этом не помню: слишком плотно тогда мы заправились бухлом в дьютифри.

Тем не менее, помню что там были приличные отели, ухоженные набережные, пальмы в кадках и толпы туристов. А тут, в линах трубы виделась натуральная дыра. Как удто прогресс, мать его, явно решил обойти этот остров стороной.

На грязных, залитых беспощадным солнцем пристанях Санта-Круса творилось совершенно невообразимое смешение суровой католической святости и откровенного порока.

Вот, задумчиво перебирая четки, по залитой солнцем пристани Санта-Круса степенно шествуют хмурые монахи в глухих черных рясах,. А буквально в десяти шагах от них, ничуть не смущаясь святых отцов, темпераментные канарские шлюхи с густо набеленными лицами и глубокими декольте визгливо зазывают сходящих на берег матросов. Эта-

кий тяни-толкая: одни грешат, другие отпускают грехи, кэш крутится, лавэха мутится.

Чуть в стороне над бухтой мрачной, угрюмой каменной глыбой нависала старая испанская крепость Кастильо-де-Сан-Кристобаль. Ее потемневшие от времени стены, будто шрамами, были испещрены глубокими выбоинами от тяжелых корабельных ядер.

— Изучаете местную фортецию, Федор Иванович? — раздался над ухом знакомый бас. Успешно завершив швартовку, Ратманов подошел к фальшборту, тяжело дыша и вытирая шею платком. Проследив за моим взглядом, старший лейтенант ухмыльнулся в рыжие усы. — Поучительное зрелище.

— Кто это ее так щедро приложил? — возвращаясь к окуляру, поинтересовался я.

— А это, ваше сиятельство, подарочек от англичан, — со злорадством в голосе ответил тот. — Лет шесть лет назад хваленый английский адмирал Горацио Нельсон решил взять этот порт нахрапом. Да не тут-то было: нашла коса на камень!

— Что, местные уперлись?

— Еще как! Навешали им от души. Английская эскадра тогда с позором отвалила восвояси, самому Нельсону оторвало руку. Еле живым ушел!

Уже другими глазами посмотрел я на мрачную крепость. Не знаю, почему, но мне было приятно слышать рассказ Рат-

манова. Кажется, на англичан тоже можно найти управу!

Рядом с крепостью у пирсов стояла целая россыпь кораблей под датскими флагами. Нифига себе! Англичане им всего пару лет назад весь военный флот сожгли, жестко и цинично «откопенгагенив» столицу, а эти коммерсанты все равно плавают и исправно заколачивают бабки.

Интересно и поучительно. Сильный военный флот — это, конечно, весомый аргумент на стрелках международного уровня, но миром в конечном итоге правит коммерция. Вот бы и нам реализовать такую схему на Тихом океане! Тотальная торговая монополия в наших водах куда важнее количества пушечных стволов...

Размышления вновь прервал зычный голос Ратманова.

— Баркас на воду! Готовить бочки под пресную воду. Увольнительные на берег — строго по графику, пьяных матросов пороть нещадно!

Офицеры шлюпа, радостно переговариваясь, поспешили в каюты переодеваться в парадное.

Съехали на берег отличной компанией: я, Головачев, Ромберг, Левенштерн и старший лейтенант Ратманов. Кроме стратегически важной задачи отдохнуть от морской жизни, офицерам была поручена еще куча разных мелочей: закупить для кают-компании партию разного продовольствия, и особенно — приличного местного вина. Конечно, мадера с одноименного острова котировалась куда выше, но и на Тенерифе, по слухам, делали весьма недурной алкоголь.

Едва наши сапоги коснулись раскаленных камней пристани, как к нам набежала целая толпа местных аборигенов, оборванных и ушлых. На дикой смеси ломаного английского и испанского они активно предлагали господам офицерам все, что только душа пожелает. От местных девиц мы сразу отказались, для кабаков тоже было рано. Единственное, что привлекло наше внимание — предложение отведать сугубо местный экстрим: прокатиться с гор на настоящих саниах.

Сани в тропиках, где снега отродясь не видели! Звучало это как первостатейный бред, но господа офицеры были заинтригованы.

В итоге наша делегация разделилась. Ратманов с Ромбергом, как люди ответственные, отправились трясти местных негоциантов на предмет оптовых поставок вина. А мы с Головачевым и Левенштерном поехали кататься.

— Потом нам расскажете, может и мы в другой день съездим покататься! — напутствовал нас Ромберг.

Покатушки заняли добрых полдня. Сначала нам пришлось долго и нудно тащиться вверх на маленьких, но жилистых горных лошадаках. Дорога оказалась живописной, но в высшей степени опасной. Узкая, выбитая в скале тропинка: справа — глухая каменная стена, а слева — отвесная пропасть, на дне которой глухо ревела горная речка. Лошади то и дело спотыкались на скользких камнях. Левенштерн бледнел, судорожно вцепляясь в луку седла, когда его коник проходил в сантиметре от бездны.

Вблизи вершины, где виднелся старый монастырь, наши проводники затребовали привал и чаевые. Тут же в тени раскидистых деревьев весьма удачно обнаружилась крытая тростником хижина, выполнявшая роль местного придорожного кабака.

— Ну что за мошенники! А сани где? — сокрушенно спросил Головачев.

И в этот момент рядом с ним в землю вертикально вонзилось длинное копьё! А мгновение спустя рядом грохнулся наземь какой-то мужик!

— Что за... побледнел лейтенант, в ужасе таращась на упавшего с неба типа.

Меня же как подбросило. Бандиты! Нападают сверху!

Мгновенно выхватив из трости клинок, я наставил его на нападавшего. Тот, однако, не проявил никакой агрессии. Это был невысокий, заросший мужичок в широкополой шляпе и овечьей накидке шерстью наружу.

— Э, сеньор! — воскликнул он, протестующее поднимая руки.

Подняв глаза кверху, я просто охренел.

На склоне обрыва, метрах в восьми над нами, стояло еще несколько человек. У всех в руках были длинные гладко отполированные шесты, метра по два с половиной- три длиной. Один из них нацелил шест вниз, внимательно посмотрел вдоль него, а затем... прыгнул!

Шест звонко вонзился в землю в паре шагов от меня. Му-

жик буквально скользнул по шесту вниз, тормозя падение трением ладонями по гладкому дереву шеста, приземлился на ноги, и как ни в чем не бывало, побрел в сторону кабака.

— Не обращайтесь внимания, сеньоры! — на скверном английском произнес один из наших проводников. — Это просто пастухи.

Тут только мы поняли, что происходит. Канарские пастухи, желая спрямить путь до ближайшей наливайки, вот таким вот образом прыгают с обрыва, тормозя с помощью шеста.

Я аж присвистнул. Вот это я понимаю, тема. Настоящий местный спорт! Никаких тебе парашютов, страховок и нытья. Чистый адреналин, как в детстве, на крышах гаражей.

— Эй, сеньоры пастухи! — заорал я вверх, уже чувствуя, как в груди закипает молодой Федькин азарт. — А научите иностранца прыгать как вы?

Пастухи переглянулись, заржали и замахали руками — мол, давай, сеньор, попробуй, только не убейся.

Один из них спустился ко мне, протянул свой длинный гладкий шест и показал, как правильно держать.

— Cuidado, señor! Ноги врозь, руки крепко, и не бойся!

Мне помогли подняться по склону. Схватив шест, я нацелился вниз и... прыгнул!

Первый раз вышло хреново. Шест вонзился в землю, я чуть не перекувырнулся через голову, но всё-таки удержался

на ногах. Сердце колотилось как бешеное.

— Ещё раз! — заорал я уже в полном восторге.

Второй прыжок вышел лучше. Третий — вообще огонь! Я буквально пролетел по воздуху и мягко приземлился, едва не сбив Головачёва с ног.

— Вот это я понимаю спорт! — ржал я, возвращая шест пастуху и отряхивая пыль с сюртука. — Лучше любых американских горок! Спасибо, братцы!

Пастухи одобрительно загоготали и похлопали меня по плечу. Левенштерн и Головачёв смотрели на меня как на полного психа.

— Граф, вам, может быть, сподручно прыгать тут, как горный козел, но мы очень хотим промочить горло! — Изрядно уставшие офицеры с готовностью спешили. Трактирщик с широкой улыбкой выкатил нам пузатую бутыль, клянясь всеми святыми, что подает «настоящую канарскую мальвазию с лучших терруаров», нарезал вонючего козьего сыра.

Сделав глоток, я едва не выплюнул эту дрянь. Ну и кислятина! Вот тебе и мальвазия...

— Эй, амиго, — поморщившись, я кинул на стол монету. — Ты что нам тут припер? Мы к тебе как к человеку пришли, платим серебром. А ты чего? Убери это пойло, тащи лучшее вино, что у тебя есть!

Трактирщик тоскливо вздохнул, сгреб монету и развел руками:

— Простите, сеньоры, но лучшего вина нет. Ни у меня,

ни во всем городе.

— Это еще почему? Неурожай? — удивился Головачев.

— Хуже, сеньор. Англичане. Все приличное вино на острове, еще когда оно только зреет на лозе, на корню скупает дон Армстронг. Платит звонкой монетой вперед, а по осени забирает всё подчистую и увозит за океан. Весь остров ему должен. Нам остаются только объедки с его стола!

Нормально так. То сесть господа с Альбиона не смогли завоевать эти острова, хоть послали сюда самого Нельсона, зато английские купцы без проблем скупили тут все под корень.

Запомнив фамилию этого таинственного монополиста Армстронга, мы допили кислятину и пошли на обещанные сани.

Забава оказалась поистине сумасшедшей! Катаются тут, как оказалось, прямо по камням. Широкая, извивающаяся змеей дорога от монастыря вниз к городу была вымощена удивительно гладким, отполированным камнем.

Нас рассадили в широкие деревянные сани, подбитые железом. Двое крепких канарцев встали сзади на полозья.

— Погнали!

Гиды мощно оттолкнулись, и тяжелая конструкция рухнула вниз по склону.

С каждой секундой сани разгонялись все сильнее. Гладкий камень сливался в сплошную серую ленту, ветер свистел в ушах, вышибая слезу. На крутых виражах сани заносило

так, что Левенштерн истошно вопил, поминая всех святых, а мы с Головачевым азартно хохотали. Из-под раскаленных трением железных полозьев валил сизый дым, железо высекало искры. Мимо на сумасшедшей скорости проносились чужие дома, пальмы и шарахающиеся к обочинам пешеходы.

В общем, поднимались мы почти полдня, а спустились в город минут за десять. Расплатившись с гидами, мы, полные впечатлений, пошатываясь от избытка змоций, вернулись к порту.

Ратманов и Ромберг ждали нас у вельботов. Вид у наших переговорщиков был мрачнее грозовой тучи.

— Что, господа офицеры, не сошлись в цене? — усмехнулся я, глядя на их кислые физиономии.

— Да не с кем даже сходиться, Федор Иванович, — в сердцах сплюнул старший лейтенант. — Вина на продажу в порту нет. Вообще ни капли!

— Местные негоцианты чуть не плачут, — мрачно добавил Ромберг. — Говорят, всю торговлю под себя подмял один человек: британский купец Армстронг. У него тут абсолютная монополия на всё.

Ратманов молча указал тяжелой рукой куда-то вверх по склону холма. Там, утопая в роскошной тропической зелени, возвышалась здоровенная белокаменная махина его личной виллы.

— Говорят, вот нам этот господин живет!

— Понятно. Ну, выход один, — резюмировал я. — Зав-

тра берем капитана, берем официальную рекомендацию от местного испанского губернатора и идем к этому английскому авторитету на поклон. Иначе вся кают-компания будет пить до самой Бразилии исключительно воду.

На следующее утро, наш неугомонный камергер Резанов, изнывая от желания продемонстрировать свою дипломатическую значимость, с самого утра рванул с официальным визитом к местному испанскому губернатору. Там, расшаркавшись по всем правилам политеса, Николай Петрович выхлопотал для экспедиции официальное рекомендательное письмо к британскому монополисту. Гордости у посланника было столько, словно он подписал победный мирный договор. Хотя по факту — просто взял рекомендательную справку у номинального чиновника для похода к реальному «смотрящему» за островом.

Ну и славно. Хоть какой-то с него толк.

Когда после обеда он вернулся, мы, оставив матросов под присмотром боцманов катать тяжелые дубовые бочки к источникам пресной воды, отправились к Армстронгу с визитом.

В этот раз Санта-Крус наглядно показал нам пример вертикальной сегрегации. Внизу, у порта, ютились обшарпанные, выжженные солнцем лачуги. Босоногие канарцы в грязных лохмотьях провожали нас угрюмыми взглядами, сидя прямо в серой пыли. Короче, тут жили бедные. Но чем выше мы поднимались по извилистой дороге на холм, тем ра-

зительнее менялся пейзаж. Нищета отступала, сменяясь ухоженными террасами, густой тропической зеленью и добротными каменными заборами.

Вилла британского монополиста производила сногшибательное впечатление. Широкие мраморные лестницы, журчащие фонтаны, дающие спасительную прохладу, мраморные статуи и ровно подстриженные кусты. Настоящая «рублевская» дача, только с поправкой на девятнадцатый век и колониальный стиль.

У резных кованых ворот замерли вышколенные чернокожие слуги в белоснежных ливреях. Один из них с важным видом принял губернаторскую депешу Резанова на серебряный поднос и скрылся в прохладных недрах дома. Ждать пришлось недолго — массивные двери гостеприимно распахнулись, нас с поклоном пригласили внутрь.

Хозяин встречал гостей на просторной, затененной цветущими лианами террасе. Господин Армстронг оказался крепким, породистым англичанином. С виду ему было сильно за пятьдесят. Густые бакенбарды с проседью, тяжелый англосаксонский подбородок, въевшийся в кожу загар, цепкий взгляд холодных серых глаз. Смотрит так, словно уже мысленно снимал с тебя мерку для гроба и прикидывал, сколько на этом можно заработать.

С первого взгляда я понял — серьезный мужик. Навидался таких в свое время. И наверняка, тот еще сукин сын.

Впрочем, держался он очень вежливо. Камердинер пред-

ложил нашим офицерам плетеные кресла, прохладительное вино, гаванские сигары, британец общался с подчеркнутой, учтивостью. Но за сем этим так и сквозило снисходительное презрение богача, принимающего в своем доме бедных, но забавных родственников. Знаю я эту манеру: улыбаются, кивают, а стоит выйти за порог — приказывают слугам протереть кресла и проветрить помещение.

Лицемерные уроды.

После обязательного обмена любезностями о погоде и трудностях мореплавания, приказчик Шемелин робко попытался перевести разговор в практическое русло.

— Мистер Армстронг, наша экспедиция остро нуждается в пополнении запаса свежей провизии, зелени, мяса и, разумеется, хорошего вина, — откашлявшись, начал он. — Мы бы хотели нанять толковых подрядчиков на местном рынке, чтобы...

— Оставьте эти утомительные хлопоты, господа, — вежливо, но безапелляционным тоном перебил его британец, пуская в потолок густой сигарный дым. — Считайте, что вы — мои гости на этом острове. Ваш доблестный экипаж должен набираться сил перед тяжелым переходом через океан. Я лично возьму на себя обеспечение ваших судов всем необходимым. Мои люди сами закупают лучших быков, соберут свежайшие овощи и доставят бочки с вином прямо к вашим бортам. Никаких забот, джентльмены.

Шемелин, услышав про такие навязчивые «барские» услу-

ги монополиста, побледнел. Отодвинувшись чуть назад, приказчик Российско-Американской компании тоскливо зашептал на ухо Крузенштерну:

— Обдерет как липку, господин капитан! Втридорога счет выставит, к гадалке не ходи. Свои же припасы нам через своих людей и перепродаст, а мы на рынке теперь и гвоздя ржавого без его ведома не купим...

Смотрел я на это и думал: да, блин, вот как оно все обернулось. На своей собственной земле испанцы полностью в руках какого-то красномордого англичанина. А ведь когда-то именно они открыли Америку, владели половиной мира, тащили галеонами золото инков и хозяйничали во всех океанах. И что в итоге? Бездарно всё профукали, расслабились на шальных деньгах, потеряли хватку. И вот теперь прагматичные англичане командуют ими в их же портах, скупают на корню их товары за копейки и вертят местной экономикой как хотят.

При этом никакого сочувствия к испанцам я не испытывал. Наоборот. Сами виноваты, терпилы. «Кто успел, тот и съел», — главное правило выживания. Британцы поняли это первыми и теперь доили половину земного шара. Главное, как бы нам самим казаться в другой половине! Если наша Российско-Американская компания (и я как совладелец) действительно хотим закрепиться на Аляске и приносить реальный кэш, нам придется уух как крутиться!

И, самое первое - навсегда отбросить дворянские санти-

менты. Стать такими же безжалостными акулами, как этот Армстронг. Иначе нас просто сожрут, а кости выплюнут в Тихий океан.

Пока я молча философствовал в уме, к нашему сугубо мужскому обществу на террасе присоединилась супруга хозяина, Изабелла Армстронг. Хозяйка виллы оказалась молодой, невероятно эффектной испанкой, чье потрясающе смелое декольте заставило флотских офицеров разом поперхнуться вином. Да и вела она себя для чопорного девятнадцатого века вызывающе раскованно.

Ну что, все понятно: перед нами «трофи-вайф», дорогая игрушка, купленная богатым престарелым «папиком» в основном для статуса и теперь изнывающая в золотой клетке. Окинув мужа откровенно скучающим взглядом, знойная хозяйка вдруг бегло стрельнула черными, как маслины, глазами в мою сторону. Молодой, пышущий звериным здоровьем граф явно выделялся на фоне зажатых моряков.

Ну что же, почему бы и не да? Вы привлекательны, я чертовски привлекателен!

— Скажите, граф, — Изабелла плавно опустилась в кресло напротив, обмахиваясь веером. — Неужели в вашей России по улицам ходят медведи, а снег лежит круглый год? Должно быть, это ужасно утомляет.

— Слухи о наших медведях сильно преувеличены, прекрасная донна, — чуть склонив голову, я включил всё свое обаяние. — А что касается холода... Поверьте, горячих сер-

дец в Петербурге ничуть не меньше, чем в Мадриде. Хотя, уверен, окажись вы в Петербурге — все они были бы у ваших ног!

Мадам Армстронг едва заметно улыбнулась. Можно было бы развивать тему и дальше, двигая ее в понятном направлении, но тут в нашу беседу вклинился громкий, пьяный рык.

Несколько краснолицых, грубых господ в дорогах, но уже залитых вином камзолах орали друг на друга, хохотали и стучали кулаками по столу так, что подпрыгивали бокалы. Говорили они по-английски, но с таким акцентом и матерком, что даже в портовой таверне Плимута было бы не особо прилично. Сплошные факи да годдамы.

Наклонившись к Изабелле, я тихо спросил:

— Кто все эти люди? Они ревут хуже медведей в брачный период.

Испанка рассмеялась, прикрывшись веером.

— Это каперы, граф. Друзья и деловые партнёры моего мужа. Самые настоящие джентльмены удачи. Муж даёт им провизию и воду, они делятся добычей.

Каперы. Ничего себе! Я присмотрелся к господам внимательнее. Каперы действительно веселились от души: один, здоровенный рыжий детина с шрамом через всю щёку, хвастался, как они только что взяли голландский бриг и вытрясли из него триста бочек бренди. Другой, лысый и толстый, ржал и показывал золотые зубы, рассказывая, как французский фрегат едва не пустил их на дно у Мадейры.

Интересные господа. Надо бы с ними поболтать!

Ярослав внутри меня брезгливо скривился: «Сборище пиратского отребья. Ты серьезно собираешься с ними разговаривать?» Молодой Федька оскалился: «А почему нет? Они в каком-то смысле коллеги. Только работают грубо. А я — красиво».

Допив вино и галантно извинившись перед дамой, поставил бокал и, не спрашивая разрешения, подошёл к их столу.

— Господа каперы, — громко и нагло начал я, — а позвольте спросить у настоящих морских волков... Почему вы, грозные британские джентльмены удачи, до сих пор не прогоните того наглого французского лягушатника, который шарится у ваших берегов?

— Да на кой-черт он нам сдался? С французом воевать — это, знаете ли, риск получить полновесное ядро в борт! — цинично хохотнул жирный стервятник, утирая пот со лба. — Зачем лезть под пушки, когда в море полно беззащитных торговых судов? Меньше риска — больше звонкой монеты!

Мысленно поаплодировав такой кристально чистой беспринципности, оставалось лишь признать правоту англичанина. Никакой рыцарской дури, голая маржа. Очередной наглядный урок дикого капитализма, где выживает не самый честный, а самый расчетливый.

Тем временем приказчик Шемелин наконец-то сумел втянуть Армстронга в обсуждение цен на говядину и провиант. Тот, забыв про все на свете, с головой погрузился в любимое

дело — выжимание из партнеров последней копейки. Ну и отлично.

Воспользовавшись тем, что мистер Армстронг увлеченно торгуется из-за каждого мешка муки, я вернулся к миссис Армстронг. Тонкий аромат ее жасминовых духов ударил в голову.

— Ваш супруг — гений коммерции, донна Изабелла, но он совершенно не умеет ценить истинные сокровища своего дома, — негромко произнес я, глядя прямо в ее темные глаза. — Наш корабль простоит здесь еще несколько дней. Смею надеяться, что вы позволите мне нанести вам... менее официальный визит? Показать окрестности, например. Испанка не отвела взгляд. Ее веер на секунду замер, а губы тронула легкая, многообещающая усмешка.

— Окрестности здесь действительно весьма живописны, граф. — тихо ответила она, бросив быстрый взгляд на мужа. — Буду рада вашему визиту. На вашей вилле есть чудесный прохладный грот....

И посмотрела так, многообещающе. Я уж было хотел предложить пойти осматривать грот прямо сейчас, но тут оболтус Шемелин закончил свои переговоры с Армстронгом. Приказчик выглядел одновременно довольным и слегка обескураженным — видно было, что английский коммерсант выжал из него что можно и нельзя, но сделка всё-таки состоялась.

А куда нам деваться? Плыть до Бразилии без продоволь-

ствия? Не вариант!

Крузенштерн, до этого молча кутивший в стороне, встал и громко кашлянул, подавая знак.

— Господа, нам пора. Уже темнеет!

Офицеры неохотно поднялись. Пока мы спускались по широкой мраморной лестнице, флотские уже обменивались впечатлениями.

— Ну и хмырь он, этот Армстронг, — хмыкнул Ратманов, поправляя кортик. — Такой и родную мать за бочку рома продаст.

— Зато вино обещает отменное, — ухмыльнулся Головачёв. — Главное, чтобы не разбавленное.

— А мадам Армстронг, похоже, кружит голову сильнее любого вина! — покосившись на меня, многозначительно добавил Левенштерн. — И у графа, похоже, уже есть некоторые планы на ближайшие вечера!

Я молча усмехнулся, чувствуя, как после разговора с Изабеллой всё ещё играет кровь.

Возвращаться от виллы этого английского акулы к порту было просто охренительно приятно. Кровь кипела в жилах, в голове всё ещё крутились всякие интересные картинки с прохладным гротом и горячей испанкой, а жизнь казалась сплошной чередой побед. Однако всю эту идиллию грубо расхреначили прямо у пристани.

Еще издали я заметил странное оживление возле нашего баркаса вельботов. Толпа матросов и местных зевак рассту-

пилась, и прямо на меня, смешно семеня босыми ногами по острым булыжникам, выскочил... совершенно голый человек!

Глава 4

Мужик реально был совсем голый. Так себе зрелище, надо сказать! Бедолага отчаянно пытался прикрыть срам ладонями, что не очень-то получалось.

Инстинкты сработали быстрее мысли: пальцы мигом стиснули трости-стилета, все тело подобралось в ожидании атаки. Но, присмотревшись, с удивлением увидел знакомое лицо.

— Коробицын?! — убирая руку с оружия, недоверчиво окликнул я приказчика со шлюпа «Нева». — Мать честная, ты где свой гардероб оставил?

— Ваше сиятельство! Федор Иванович! — едва не плача, взвыл коммерсант, трясаясь то ли от пережитого ужаса, то ли от стыда. — Ограбили! До нитки раздели, ироды басурманские!

Гопники сработали чисто и профессионально: заманили Коробицына в тёмный переулок, приставили нож к горлу, сняли всё до нитки, выгребли казённые и личные деньги, а заодно прихватили серебряную табакерку и любимые золотые часы.

— Батюшка! Фёдор Иванович! — раздался вдруг сзади срывающийся, сиплый вопль.

К нам, тяжело топая растоптанными сапогами и смешно размахивая руками, нёсся Захар Архипыч. Старик выглядел

так, будто только что пережил Страшный суд.

— Да где же вы так задержались-то?! — запричитал он, сходу рухнув передо мной на колени прямо в грязь. — Уж я упрашивал господ мичманов, только что в ногах не валялся — просил взять меня на баркас, доплыть до берега, вас тут искать!

Пока Архипыч кудахтал, бегая вокруг меня и проверяя, целы ли пуговицы на камзоле, возле потерпевшего уже нари-совался Шемелин и пара посольских чиновников. Они громко охали, сетовали на «дикие канарские нравы» и всерьёз собирались писать официальную ноту губернатору.

Флотские офицеры, стоявшие у шлюпок, напротив, откровенно кривили носы.

— Ограбили, и поделом, — холодно процедил Ратманов, отворачиваясь к морю. — Это человек Резанова. Пусть Николай Петрович сам со своими людьми нянчится. Нам до штатских дела нет.

Слушать это бюрократическое нытьё и наблюдать за словным равнодушием было откровенно тошно.

Старый Ярослав внутри меня брезгливо поморщился: «Ну вот, опять эта сословная хрень». А у молодого Федьки уже зудело: «Ща мы им мозги вправим».

— Позвольте, господа офицеры, — прерывая перепалку, я обвёл моряков тяжёлым взглядом. — Конечно, я прекрасно понимаю, что для вас приказчик Коробицын — просто мужик, торгаш и человек чужой партии. Но какого чёрта мы

позволим какой-то гишпанской портовой швали безнаказанно грабить нашего соотечественника?

Окружавшие меня офицеры нахмурились.

— Он русский. Подданный нашего императора, которому мы все присягали служить. Он из нашей экспедиции, наконец! Если мы сейчас это проглотим и обойдёмся бумажными жалобами губернатору — завтра эти же уроды начнут снимать сапоги с наших матросов прямо на пристани. Честь Андреевского флага, господа, мы должны отстоять сами. По-нашему. По-русски. Без всяких жалоб, прошений и прочих канцелярских соплей!

Ратманов нахмурился, Ромберг задумчиво потёр подбородок. Призыв к защите чести русского флага сработала на флотских безотказно.

— Свиньи гишпанские! — первым поддержал меня горячий Головачёв. — Я с вами, граф!

— И я, — твёрдо добавил Ромберг. — Честь мундира дороже.

Ратманов тяжело кивнул, кладя широкую ладонь на эфес кортика.

— Ваша правда, Фёдор Иванович. Негоже русским морякам прятаться за бумажками, когда своих грабят.

— Ну что, господа, — хищно улыбаясь офицерам, я перевел взгляд на трясущегося Коробицына, — приступим к делу. Шемелин, увезите этого нудиста на корабль, пока он нам тут всю репутацию не испортил. А мы пойдём возвра-

щать экспроприированное.

— Прекрасно. Но как вы хотите это сделать? — набычившись, спросил здоровяк Ратманов.

В раздумье кинул я взгляд на полупустую набережную. Как-как... Известно, как! Искать канарских бандюганов по местным притонам вслепую — гиблое дело. Портовые крысы всегда прячутся в щелях, выползая на запах денег.

Наживка нужна. Причем правильная, чтобы эта мразь сама к нам прискакала.

— Господа, ловим на живца. Нужен доброволец. Кто-то, кто выглядит достаточно богато и при этом вполне безобидно, чтобы привлечь внимание этой швали!

Нехорошо улыбнувшись, я перевел взгляд на жмущегося к шлюпке Архипыча.

— Захар Архипыч, дорогой, иди-ка сюда, ближе!

Старик подошел, недоуменно моргая.

— Скидывай-ка свой лапсердак, — скомандовал я, решительно подталкивая упирающегося камердинера в круг офицеров. — Будем из тебя иностранного инвестора делать.

— Да как же это, батюшка Федор Иванович? — замотал головой старик, попятившись. — Какого такого инвехтора?

— Такого, что и ограбить не грех! Давай живее!

Оглянулся по сторонам в поиске, кого бы раздеть, чтобы сделать из моего Захарыча денди. Увы, раздеваться пришлось самому: в цивильном платье был я один. Флотские офицерские мундиры на это дело совершенно не годились.

Скинув с себя щегольский сюртук из тонкого синего сукна и высокий шелковый цилиндр, я остался в одной тонкой рубашке.

— Надевай, Архипыч, — впихнул я ошалевшему старику свой сюртук. Он оказался сильно широк в плечах, рукава тоже длинноваты. Ну да ничего, ночью сойдет. Небрежно нахлобучил ему на голову цилиндр, сам же ловко перехватил у него свой поношенную, пропахшую табаком ливрею и набросил себе на плечи.

До Архипыча наконец дошел весь трагизм ситуации. Осознав свою, крайне незавидную, роль «живца», старик сдавленно охнул и рухнул на камни пристани, не обращая даже внимания на дорогую графскую одежду.

— Батюшка Федор Иванович! Христом Богом молю! — взвыл камердинер, пытаясь обнять мои сапоги и истово крестясь свободной рукой. — Смилуйтесь! Велите лучше на конюшне насмерть выпороть! За что же христианскую душу губить в басурманских подворотнях?! Зарежут ведь, ироды!

— Перестань, Архипыч. Где я тебе здесь конюшню найду? Вставай, не позорь меня перед флотом, — жестко оборвав причитания верного слуги, я рывком вздернул его обратно на ноги. — Шагай вон туда. Иди неровно. Шатайся так, будто ты в стельку пьян. Понял?

Захар с несчастным видом кивнул.

— Я буду держаться неподалеку, а господа офицеры спрячутся за домами. Да не бойсь ты! Волосок с твоей лысины

не упадет.

Архипыч обреченно всхлипнул и вновь мелко закивал.

Вскоре мы уже шли по портовым переулкам Санта-Круса, вдыхая тяжелый, пропитанный запахами дешевого чесночного варева, кислого вина и нечистот воздух. Из распахнутых дверей таверн неслись хриплые пьяные голоса и перебор гитарных струн. В густых тенях шарахались местные шлюхи, громко перекрикиваясь с матросами, а мимо, шныряли туда-сюда фигуры в монашеских рясах.

Архипыч, стуча от страха зубами так, что было слышно за десять шагов, шатался по самому злачному району.

— Господи помилуй... Да что же это делается-то... — тихо завывал старик, спотыкаясь на каждом шагу. — Этакую муку смертную за прасола этого плешивого принимаю... Зарежут, как пить дать, зарежут...

Цилиндр на старике, и так-то хреново сидевший, окончательно съехал набекрень, ноги выписывали нелепые зигзаги по булыжникам. Шатало его от страха, но издали казалось, что идет пьяный богатенький лох.

То, что надо.

Я тенью следовал заним вдоль глухих каменных стен, стараясь не выходить из мрака подворотен и не терять его из вида. Слух улавливал каждый шорох. Офицеры тащились где-то следом. Я их не видел, но очень надеялся, что они там.

Клевать начало минут через двадцать.

Сначала к Архипычу подвалила шлюха — крашенная, с

глубоким декольте и густо набелённым лицом. Она игриво качнула бёдрами и что-то мурлыкнула по-испански, явно предлагая «утешить одинокого сеньора».

Архипыч отшатнулся, как от чёрта, и замахал руками:
— Иди, иди, бога ради! Отстань, бесстыдница!

Шлюха обиженно буркнула что-то по-испански и, покачивая задом, вернулась к своим товаркам, хихикавшим у стены таверны.

К этой стайке вдруг подошёл какой-то тип в сюртуке явно с чужого плеча. Пошушукался с ними, кивнул на Архипыча и негромко свистнул. Из тени вынырнули ещё двое мрачных рож. Коротко посовещавшись, компания двинулась в сторону несчастного старика.

Выглядели они — не дай бог! Рожи чисто разбойничьи: перебитые носы, кустистые бороды, в ушах поблескивают массивные золотые серьги, черные, как смоль, волосы сальными прядями спадают на лбы. Двое одеты в откровенное рваньё, но на третьем, постарше, красовался вполне приличный, хоть и помятый камзол — явно с чужого плеча. Возможно даже, с плеча Коробицына. Шли они вроде бы непринужденно, но уже вскоре окружили Архипыча в полукольцо. В тусклом свете далекого фонаря хищно блеснули длинные лезвия навах.

— Динеро, въехо! — с угрозой прошипел старший бандит в чужом сюртуке, поигрывая ножом.

Старик в ужасе оглянулся по сторонам, ища меня взгля-

дом.

— Спасите, граф Федор Иванович! Убивают нехристи со-
всем! — жалобно крикнул он и нелепо взмахнув руками, ку-
лем осел на землю, закрыв голову руками. Испанец мерзко
заржал и шагнул к нему, протягивая руку к отворотам сюр-
тука...

И тут меня накрыло по полной. Горячая, дикая ярость
затопила всё. Никаких тебе политесов, предупредительных
окриков «становитесь, сударь». Ярослав и Федор, наскоро
посоветовавшись, пришли к согласию что «уродов надо за-
гнать под землю».

Вырвавшись из темноты, я бросился вперед, стремитель-
но, как на стометровке, в бешенстве сжимая тяжёлую трость.
Мгновение, другое... и вот я уже среди бандитов.

Короткий, хлесткий замах — и тяжелый свинцовый на-
балдашник лондонской трости с хрустом впечатался в висок
ближайшего грабителя. Испанец даже не вскрикнул — про-
сто рухнул на мостовую как подкошенный, выронив нож.

— Ке карахо?! — резко оборачиваясь, взревел второй
бандит.

— Сдохни, сука! — рывкнул я, перехватывая трость.

Резкий поворот деревянной рукояти в моей руке, сухой
лязг пружины — и ножны слетают на камни. Бандит бросил-
ся вперед, целясь навахой мне в живот, но я легко ушел с
линии атаки. Скрытый в трости длинный стальной клинок
сочно вошел в плечо испанца. Тот истошно завопил, выро-

нил оружие и бросился наутек, ладонью зажимая хлещущую из раны кровь.

Третий испанец, тот самый, в сюртуке Коробицына, попятился.

— Амига! Ами! — заорал он дурным голосом, размахивая ножом.

Из дверей соседней таверны, на крик своего дружка, вывалилась шумная толпа — еще человек пять мрачных личностей с дубинками и ножами. Дело принимало дрянной оборот. Один против такой оравы, да еще и с верещащим Архипычем под ногами, я точно не выстою. Где флотские? Им отдельное приглашение надо?

Сунув два пальца в рот, я выдал такой пронзительный, залихватский свист, от которого у местных собак, наверное, заложило уши.

Сзади тут же послышался тяжелый топот. Из спасительного мрака переулка выскочили Ратманов, Головачев и Ромберг. В свете уличных фонарей зловеще блеснули сталью клинки флотских кортиков.

— Держи их, гадов! Урра! — завопил Ратманов.

Испанцы, увидев что из тёмного переулка с рёвом вылетели рослые, матёрые флотские офицеры с саблями наголо, сразу утратили весь свой пыл.

— Мьерда! Сон мас! Корред, кабронес! — паническим фальцетом заорал один из них. — Спасайтесь, их больше!

И толпа из таверны, не желая связываться с регулярным

флотом, моментально разбежалась, будто её и не было.

Оставшись в гордом одиночестве, третий «романтик с большой дороги» мгновенно оценил изменившийся расклад сил. Профессионал, сразу видно. Бросив наваху под ноги, он в панике рухнул на колени, судорожно забормотав молитвы Деве Марии.

Ласково взяв гишпанского охламона за шкурку, я приставил окровавленное лезвие стилета прямо к его дергающемуся кадыку.

— Часы. Кошелек. Табакерка, — и приправил русские слова парой самых грязных испанских ругательств, какие только знал. Для верности чуть надавил клинком. — Рапидо, бастардо!

Трясущимися руками бандит спешно вывернул свои необъятные карманы. На булыжники со звоном полетели серебряные часы Коробицына, табакерка и пухлый кожаный кошелек с казенными деньгами.

— И сюртук тоженими, амиго, — усмехнулся я, указав на его одежду. — Нашему приказчику в чем-то на Камчатке ходить надо будет.

Брезгливо вытерев клинок о грязную рубаху грабителя, я щелчком вернул лезвие обратно в трость. Рывком поднял с земли полумертвого от пережитого страха Архипыча. Сунул ему в руки отжатый у бандита сюртук.

Подбежавший Ромберг брезгливо пнул стоящего на коленях испанца тяжелым башмаком.

— Надо звать портовую стражу, Федор Иванович. Сдадим мерзавца властям. Пусть судят.

— Пустое, лейтенант, — отмахнулся я. — Местные легавые с ними в доле. Отпустят через час. Только время потеряем.

Ратманов тяжело дышал. Могучий старпом вглядывался в темноту переулка, куда сбежали пособники из таверны. В его руке тускло блеснул морской кортик.

— Ушли, твари! — прорычал моряк. — Кто-то сбежал? Дозвольте, граф, я догоню. В капусту порублю!

— Отставить горячку, Макар Иванович, — я преградил ему путь. — Мы свое забрали. Лишние терки в чужом порту нам без надобности. Начнутся качели с губернатором, экспедицию подставим. Дело сделано, чего еще кулаками махать!

Обернулся к Архипычу На старика было жалко смотреть. — Ох, батюшка граф Фёдор Иванович! Ну и натерпелся нынче я страху господню! — возмущенно залопотал старик. — Уж вы меня в другой раз от таких эскапад увольте! Стар я червячка на крючке из себя изображать! Стар и немощен!

В чём-то, конечно, он был прав. К таким испытаниям жизнь его явно не готовила.

— Ну всё, Захар Архипыч, — похлопал я старика по плечу. — А ты боялся. Идем, обрадуем Коробицына.

Интерлюдия.

Лондон. Здание Адмиралтейства. Уайтхолл, октябрь 1803

года.

Холодный осенний дождь хлестал по высоким тёмным окнам, оставляя на стёклах грязные потёки. Приёмная Первого лорда Адмиралтейства, всегда полная моряков королевского флота, сегодня была пуста. Лишь секретарь бледной тенью сидел за своим столом, что-то записывая, и единственный посетитель — коммодор Фрейзер, дисциплинированно ждал аудиенции.

Напольные часы тяжёло тяжко отсчитывали секунды. Время здесь было не просто временем — оно было инструментом власти. Чем дольше тебя держат в приёмной, тем яснее дают понять, чего ты стоишь и кто здесь хозяин.

Наконец секретарь в чёрном фраке заглянул в кабинет Первого Лорда и, обернувшись к посетителю, молча кивнул. Фрейзер встал, одёрнул голубой мундир и вошёл в кабинет.

Внутри царил полумрак. Горели всего две свечи в тяжёлых серебряных канделябрах. Казалось, в воздухе разлит флер власти и алчности — верных спутников империи, привыкшей брать всё, что ей приглянулось.

У дальней стены, спиной к двери, стоял Первый лорд Адмиралтейства — Джон Джервис, граф Сент-Винсент. Легенда флота. Человек, шесть лет назад, в битве у мыса Сент-Винсент одним ударом разнёс испано-французский флот. Адмирал, железной рукой управлявший флотом, державший свои корабли в многомесячной осаде французских портов. Железный, сухой, беспощадный старик.

Фрейзер замер в трёх шагах от стола. Как и весь флот, он бесконечно уважал этого человека. И прекрасно понимал: от одного слова Сент-Винсента зависит вся его карьера.

Джервис обернулся. Лицо его, изборозждённое глубокими морщинами, напоминало старую корабельную обшивку, которую слишком долго держали в морской воде.

Он продолжал изучать огромную карту обоих полушарий, медленно водя по ней медным циркулем.

— Командор Фрейзер. Вы, кажется, вскоре отправляетесь в Южные моря? — сухим, как душа ростовщика голосом спросил лорд.

— Так точно, милорд. Эскадра из двух фрегатов, трёх шлюпов и авизо.

Джервис сделал отметку на карте. Металл тихо скрипнул по бумаге.

— Три недели назад в Атлантику вышла русская экспедиция. Два шлюпа.

— Я в курсе, милорд.

— Нас в Адмиралтействе это крайне беспокоит. Русские никогда не совались в океан. И мы считаем, что им там делать нечего.

Фрейзер молчал. Он знал: когда Первый лорд говорит «мы», это значит «я».

Джервис наконец повернулся. Взгляд его был тяжёлым и совершенно пустым. Ни злости, ни эмоций — только холодный расчёт.

— Присмотрите за ними, коммодор. Только поймите меня правильно. Нам не нужны дипломатические осложнения с русским двором. Но... никто ведь не удивится, если эта экспедиция просто исчезнет где-то в Тихом океане. Как когда-то исчезла экспедиция Лаперуза.

В кабинете повисла тишина. Только дождь все стучал в окно, цепляясь за частый свинцовый переплет.

Фрейзер помедлил, затем склонил голову.

— Абсолютно понимаю вас, милорд.

— Прекрасно. Очень на вас рассчитываю. Мы все очень надеемся на вас и вашу эскадру.

Лорд Джервис отвернулся обратно к карте, давая понять, что аудиенция окончена.

Но, прежде чем уйти, командору нужно было прояснить один вопрос.

— Позвольте спросить вас, сэр!

— Что еще? — не оборачиваясь, спросил лорд Джервис.

— Экипаж захочет получить обычную долю добычи, сэр!

Резко обернувшись, Первый лорд внимательно посмотрел на Фрейзера, будто видел его впервые.

— Никакой доли, Фрейзер! Никакой добычи, никаких пленных, никаких следов. Даже если русские спустят флаг, просто расстреливайте их, пока не пойдут на дно. Если корабли русских утонут, полагаю, команда не будет претендовать на трофеи, не так ли, командор?

— Но если люди начнут болтать...

— ...вы скажете им, что это были французы под ложным нейтральным флагом. Только и всего.

Помолчав, Джервис холодно кинул:

— Когда вы отправляетесь?

— Через два дня, из Спитхеда.

— Прекрасно. Не смею вас более задерживать!

К командору тут же неслышно подошел секретарь.

— Проводить вас, сэр?

Поняв, что Первый лорд не желает далее продолжать разговор, Фрейзер раскланялся.

Выйдя из кабинета, командор спустился по широкой парадной лестнице. Швейцар услужливо распахнул перед ним тяжёлую дверь на улицу. Холодный лондонский дождь ударил в лицо.

Вдохнув густой воздух Темзы, угля и мокрого камня, командор натянул треуголку.

В голове уже складывалась картина. Клуб «Уайтс». Карточный стол. Дерзкий выстрел в оранжерее. Наглый русский граф, который унизил самого принца Уэльского и оставил ему долг в восемнадцать тысяч фунтов. И обещал перебить ему, Фрейзеру, мачту.

Командор усмехнулся одними уголками рта. Кусочки мозаики сошлись. Государственный интерес и личная ненависть только что пожали друг другу руки.

Перебить мачту, значит... Ну хорошо же! У графа Толстого появится такая возможность. Только вряд ли получится.

Ведь Бог на стороне больших батарей.

Глава 5

История с портками Коробицына принесла мне настоящую славу. Ореол отчаянного задиры опустился на мои плечи плотно и тяжело, как хорошо подогнанный английский сюртук. Матросы на палубе теперь расступались передо мной, словно перед боцманом с пудовыми кулаками. Смотрели с уважением и лёгкой опаской — мол, этот граф может и тростью по башке приложить, и стилет из неё вынуть в два счёта. Флотские офицеры первыми кивали при встрече. Кавалеры посольства предпочитали помалкивать и отводить глаза. Промышленные люди уважительно снимали шапки.

Красота.

Ближе к полудню мы снова нанесли визит Армстронгу. Англичанин встречал делегацию на веранде, весь такой гостеприимный и самодовольный. Сообщил, что мясо и вино для погрузки уже готовы. Подвинул по столу бумаги. Я стоял рядом и видел, как у приказчика Шемелина после прочтения счетов глаза буквально на лоб полезли.

— Очень дорого, — увидев мой взгляд, пожаловался он, вытирая пот со лба. — Втридорога заломил, сволочь. Разденет нашу компанию догола.

Подойдя к столу, я обратился к Крузенштерну.

— Иван Фёдорович, — начал я вежливо, — Шемелин говорит, цифры дутые. Разрешите, я потолкую с мистером

Аrmстронгом о скидках? Мы же тут экспедицию снаряжаем, а не благотворительностью для британских торгашей занимаемся...

Капитан окатил меня не самым любезным взглядом.

— Ну, нет, граф. Русский офицер не торгуется на рынке. Это ниже моего достоинства.

Затем Крузенштерн демонстративно отвернулся и подписал векселя. Армстронг спрятал довольную усмешку. Казна экспедиции здорово похудела.

Черт. Идиотизм какой-то. По роже видно, что этот Армстронг из себя представляет. Неужели непонятно, что нельзя рассуждать о чести, имея дело с людьми, не имеющими о чести ни малейшего понятия?

Офицеры на веранде глушили местную мадеру. Армстронг заливался соловьем, травил какие-то пошлые байки. Я уже было раздумывал, под каким благовидным предлогом покинуть эту компанию, как вдруг на веранде появилась она.

Изабелла.

Шуршание юбок. Тяжелый, приторный шлейф цветочных духов. Сегодня она выглядела как-то особенно обольстительно. Или мне показалось?

Мадам Армстронг прошла вдоль стола с дежурной улыбкой. Кивнула Крузенштерну. Бросила пару пустых фраз Левенштерну. А потом остановилась у нагретых солнцем каменных перил. Взгляд ее метнулся ко мне.

Короткий кивок. Черные глаза полыхнули совершенно

недвусмысленным обещанием. Отвернулась и просто растворилась в тени сада.

Выждав минуты три, я оставил недопитый бокал на столе и тихо свалил за арку.

Сад встретил влажной парилкой. Как в бане, блин. Голоса с террасы сразу отрезало густой листвой. Под сапогами захрустел гравий. Как там она говорила? Грот?

Сначала я свернул не туда. Уперся в какую-то колючую живую изгородь. Черт! Развернулся, прислушался. Ага, вот оно! Шум падающей воды.

Грот оказался небольшой такой пещеркой, в которой очень удобно стояла небольшая скамейка. Изабелла уже ждала.

Никаких долгих прелюдий и томных вздохов. Скучающая жена богатого старика просто хотела отплатить мужу побольше. В который раз убедился, латинки капец какие темпераментные. Ну а я взял свое. Быстро и жестко. Армстронг только что получил ветвистые рога. Нормальная такая скидка за переоцененное вино и мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.